

УДК 940(470+571)"1917"

DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-15-68

РОССИЙСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ (КРУГЛЫЙ СТОЛ)

**Багдасарян В.Э.¹, Волобуев О.В.¹, Иерусалимский Ю.Ю.², Федюк В.П.²,
Наумов О.Н.¹, Маслов Д.В.¹, Федорченко С.Н.¹, Телицын В.Л.³**

¹ Московский государственный областной университет

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, Российская Федерация

² Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова

150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 14, Российская Федерация

³ Институт всеобщей истории Российской Академии Наук

119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32А

Аннотация. Круглый стол посвящён проблемам российского революционного 1917 года. Авторы исследуют аспекты периодизации революционной эпохи, исторического сознания, вопросы антиоктябрьской пропаганды, большевистских политических технологий, а также нюансы историографии революции. Сегодня все более для разных стран мира актуализируются вызовы революций нового типа (так называемые «цветные революции»). Результаты круглого стола могут быть в том числе использованы государственной и региональной властью, так как дают понимание механизмов перерастания социальных проблем в революцию. Кроме того, изучение революционных событий столетней давности закладывает когнитивные основания своевременного реагирования на эти вызовы в интересах будущего России.

Ключевые слова: Октябрьская революция, Февральская революция, 1917 г., Россия, политическая история, историография.

THE RUSSIAN REVOLUTION: VIEW THROUGH THE CENTURY (ROUND TABLE)

**O. Volobuev¹, V. Bagdasaryan¹, Y. Ierusalimskiy², V. Fedjuk², O. Naumov¹,
D. Maslov¹, S. Fedorchenko¹, V. Telitsyn³**

¹ Moscow Region State University

10A, Radio Street, Moscow, 105005, the Russian Federation

² Yaroslavl State University named P.G. Demidova

ul. Sovetskaya, 10, Yaroslavl 150000, the Russian Federation

³ Institute of General History of the Russian Academy of Sciences (Moscow)

Abstract. The round table is devoted to the problems of the Russian revolutionary year of 1917. The authors scrutinize the aspects of the periodization of the revolutionary chronicle, historical consciousness, questions of anti-October propaganda, the Bolsheviks' political technologies, as well as the nuances of the historiography of the revolution. Today the challenges of revolu-

© Волобуев О.В., Багдасарян В.Э., Иерусалимский Ю.Ю., Федюк В.П., Наумов О.Н., Маслов Д.В., Федорченко С.Н., Телицын В.Л., 2017.

tions of a new type (the so-called "color revolutions") are becoming more actualized for different countries of the world. The results of the round table can be used by the state and regional authorities, as they give an understanding of the mechanisms for the development of social problems in the revolution. Besides, the study of the revolutionary events which took place a hundred years ago gives the cognitive basis for a timely response to these challenges in the interests of the future of Russia.

Key words: October revolution, February revolution, 1917, Russia, political history, historiography.

Багдасарян В.Э.

Вступительное слово

Затруднительная ситуация в отношении темы Революции начинается уже с вопроса о том, как обратиться к читателям. Любое обращение имеет свой идеологический коннотат, содержащий определенный конфликт и соотносимый с событиями столетней давности: «дамы и господа» – воспроизводит обращение периода Российской империи, «граждане» – Февральской революции, «товарищи» – революции Октябрьской. Поэтому в контексте инициируемой дискуссии мы используем обращение «коллеги», имея в виду, что перед нами стоит профессиональная задача ответа на вызовы, которые адресуется история современности и будущему.

Для обозначения дискуссионного пространства обратимся к двум цитатам современников революционных трансформаций. Первая – из Василия Розанова: «Русь слиняла в два дня. Самое большее – в три... Поразительно, что она разом рассыпалась вся, до подробностей, до частных... Не осталось Царства, не осталось Церкви, не осталось войска, и не осталось рабочего класса. Что же осталось-то? Странным образом – буквально ничего». Вторая – из знаменитой книги Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир»: «И вдруг я понял, что набожному

русскому народу уже не нужны больше священники, которые помогали бы ему вымалывать царство небесное. Этот народ строил на земле такое светлое царство, какого не найдешь ни на каком небе, такое царство, за которое умереть – счастье...». Эти цитаты отражают два принципиально важные аспекта Революции: с одной стороны, трагедия гибели государства, великая катастрофа, с другой, – обращенный миру великий проект, великая, хотя и утопическая, мечта.

Давно стало очевидным, что история является не только сферой научного познания, но и инструментом политики и идеологии. Сегодня и в экспертных кругах, и на высшем политическом разных стран уровне говорят об исторической политике или, в другой версии, о политике исторической памяти. О важности этой темы свидетельствует то, что буквально месяц назад из уст Президента России прозвучали слова: «Мы видим, какие риски влечет циничное отношение к прошлому. Как фальсификация, манипуляция историческими фактами ведет к разобщению стран и народов, к появлению новых разделительных линий, формированию образа врага». Президент говорил об истории Второй мировой войны, но не в меньшей степени эти слова могли бы быть отнесены к Революции 1917 года. И если раз-

делительные линии в связи с историей Второй мировой войны проходят главным образом между государствами, то в отношении к истории Революции – внутри самого российского общества. Конфликт столетней давности воспроизводится в общественном сознании и сегодня. И это, безусловно, создает угрозы для развития страны, продуцирует опасность новых потрясений.

Безусловно, история не знает со- слагательных наклонений. Но применение историками метода сценарных альтернатив много дает для настоящего, предостерегает от совершенных в прошлом ошибок. Мы ставим сегодня по отношению к событиям исторического прошлого вопрос – а можно ли было противоборствующим силам договориться? Если да, то на какой ценностной платформе? Это главный вопрос, который вынесен в повестку дискуссии. И полученные выводы будут адресованы современной России.

Результаты круглого стола могут быть использованы в том числе государственной и региональной властью, так как дают понимание о механизмах перерастания социальных проблем в революцию. Сегодня все более для разных стран мира актуализируются вызовы революций нового типа («цветные революции»). Изучение революционных событий столетней давности дает когнитивные основания своевременного реагирования на эти вызовы в интересах будущего России.

Волобуев О.В.

«Наступили великие и страшные дни»

27 февраля 1917 г., в день когда в Петрограде народный протест сольется

с выступившей на его стороне солдатской массой, писатель М.М. Пришвин завершит очередную запись в дневнике пророческими словами: «Наступили великие и страшные дни» [71, с. 77]. Ряд историков именно 27 февраля (по старому календарному стилю 12 марта) считает началом народного восстания в Петрограде, и он же, этот день, является началом Великой российской революции. Но не столь важно, «бунт женщин» 23 (8 марта) или «бунт солдат» 27 февраля будут приняты за начальную дату, гораздо значимее разобраться, когда и чем историки заканчивают Великую Российскую революцию. В данном выступлении как первый и исходный ставится вопрос об ее отношениях с привычными для нас Февральской и Октябрьской революциями и ее хронологических рамках.

И сразу же первый вопрос влечет постановку второго: о политической революции и революции социальной. Без этого мы запутываемся, словно в трех соснах, в трех революциях 1917 г. – Великой Российской, Февральско-мартовской «буржуазно-демократической», Октябрьско-ноябрьской «социалистической». Социальная революция – это всестороннее, коренное изменение исторической реальности, всех сфер жизнедеятельности общества (от власти и идеологии до экономики и социальной структуры), которое характеризуется сконцентрированным во времени насильственным разрушением старого общественного строя. Все великие революции – социальные. Все великие революции затрагивают и втягивают в смуту более или менее широкие массы населения. Именно они самые масштабные, а посему самые кровавые и страшные.

Политическая революция затрагивает только политическую сферу – вот почему она часто выступает под разными названиями – восстание, государственный переворот, цветная революция, путч. По исполнению она может быть и народным восстанием, и военно-политическим путчем. По результатам – государственным переворотом, сменой политических элит и политических режимов. При этом не затрагиваются существовавшие ранее общественные отношения и формы собственности. Собственность может менять хозяев, но она не создает системы новых общественных отношений. Соответственно, если принять данные понятия и пользоваться ими как критериями, то Февральская революция относится к категории политических: общественные отношения в России в корне не изменялись до ноября 1917 г. И не случайно в Историко-культурном стандарте составители ограничились таким определением: «Февраль–март: восстание в Петрограде и падение монархии. Конец Российской империи».

Сложнее обстоит дело с Октябрьской революцией, которая «вывернула наизнанку» весь революционный процесс, изменила его целеполагание, привела к фундаментальным и радикальным изменениям всего общества. Социальные революции требуют времени для радикальных перемен, которые не совершаются в один день, один месяц и даже в один год. Социальные революции включают в себя и вызванные ими гражданские войны. Обратимся к истории Великой Французской революции, с которой и политики и историки очень часто сравнивали Великую Российскую революцию. В дневниковой записи Пришвина за 23

марта 1917 г. есть такой эпизод. Некий торговец стал распродавать на Невском проспекте «множество книг в зеленой обложке» и «мгновенно его окружила огромная толпа». Книга была сразу же раскуплена. Это была «История Французской революции» [71, с. 80]. Люди искали для себя ответ, какой будет *их* революция.

При сравнении разных аспектов истории революций сразу же заметна разница между 1917 г. в России и Великой Французской революцией. Прежде всего, это вопрос о гражданской войне как составной части революции или отделенного от нее социально-политического явления. Для понимания диалектичности взаимодействия перманентности и дискретности революционного процесса важно понимание хронологии его основных (переломных) дат и определение стартовой и финальной точек.

Имеются разные даты окончания Великой Французской революции: во французской историографии это 1799 г., в российской чаще – 1794 г. Периодизация же ее в отечественной исторической науке выглядит следующим образом:

Великая Французская революция 1789–1794 (1799) гг.

(Источник: История Европы. Т. 5. М., 2000)

1789. 5 мая. Открытие Генеральных штатов. Начало революции.

1789, 14 июля. Взятие Бастилии

1792, август. Народное восстание. Свержение монархии

1793, 31 мая – 2 июня. Народное восстание. Падение жирондистов. Якобинская диктатура.

1794, 17 июля (9 термидора). Термидорианский переворот.

1795, октябрь. Режим Директории. Принятие новой Конституции.

1799, 9 ноября (18 брюмера). Государственный переворот. Принятие новой Конституции.

К сожалению, Великую Российскую революцию пока затруднительно представить в новой хронологической схеме, подобной модельным схемам Английской революции середины XVII в. и Французской революции конца XVIII в. Для начала попробуем определить ее общие хронологические рамки. Некоторые историки окончание революции связывают с разгоном Учредительного собрания 6 (19) января 1918 г. Дальше, в их трактовке, следует Гражданская война. Действительно, январь – рубежный месяц в развитии революционного процесса. Можно выделить следующие вехи на этом рубеже:

- распространение советской власти почти на всю подконтрольную ранее Временному правительству территорию страны;

- разгон Учредительного собрания;

- принятие «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа» и провозглашение РСФСР на Третьем Всероссийском съезде Советов (становление первой конструкции советского государства);

- Заявление Центральной Рады о независимости Украины и ее выходе из состава России; гражданская война на Украине между Радой и Советской Украиной; провозглашение Одесской и Донецко-Криворожской Советских республик;

- признание Германией Украинской Народной Республики и подписание обеими сепаратного соглашения в Брест-Литовске;

- антибольшевистские вооруженные выступления на Дону, в Оренбуржье, на юге Восточной Сибири (начало войны окраин с большевистским Центром).

К этому еще можно добавить признание РСФСР независимости Финляндии и начало в ней гражданской войны. Все вышеперечисленные события свидетельствуют об окончании того короткого периода, который фигурировал в советской историографии под названием «Триумфальное шествие Советской власти» и завершение которого в ней относили к февралю-марту 1918 г. Соответственно, началом Гражданской войны вполне обоснованно можно считать январь 1918 г., без ее привязывания к какому-то одному конкретному событию. Ее завершение в советской историографии относили к концу 1920 г. При этом крестьянские восстания 1921–1922 гг. и локальные военные действия этих лет выводились за пределы Гражданской войны.

Применяя утвердившиеся в исторической науке критерии оценки хронологических рубежей социальных революций, можно считать окончанием Великой Российской революции декабрь 1922 г. Приведем аргументацию в обоснование такой датировки. К концу этого года произошли следующие знаковые события:

- образование Союза Советских Социалистических Республик (СССР) – государства нового типа в мировой истории;

- объединение в рамках единого Советского государства почти всей территории бывшей Российской империи, за исключением существенных изменений на западных рубежах (потери Финляндия, Прибалтика, за-

падные части Белоруссии и Украины, Бессарабия); на 1921–1922 гг. приходится и первоначальное дипломатическое оформление этих границ;

– формирование, в основном, правового пространства нового общества (Гражданский, Уголовный и Уголовно-процессуальный, Трудовой, Земельный кодексы РСФСР 1922 г.).

Следовательно, Советский Союз возникает в 1922 г. как легитимное в восприятии большинства его граждан, политически определившееся государство, с установившимися границами. И это знаменует переход от революционной неустойчивости к послереволюционной стабильности, закрепляемой принятием Конституции СССР второй сессией ЦИК СССР в июле 1923 г. и ее утверждением вторым съездом Советов (после ратификации съездами Советов республик) в январе 1924 г.

Представим одну из возможных периодизаций Великой Российской революции:

Великая Российская революция 1917–1922 гг.

1917, 23 (или 27) февраля – 2 марта. Народное восстание в Петрограде и государственный переворот в России. Фактическое падение монархии.

1917, 25–26 октября (7 ноября). Большевицкое восстание в Петрограде и провозглашение власти Советов (Советской республики).

Ноябрь 1917 – январь 1918. Укрепление и территориальное расширение советской власти. Начало социалистического этапа революции.

Январь – май 1918. Начальный период Гражданской войны: две волны интервенции (Четверной союз и Антанты) и первые локальные очаги Гражданской войны.

Май 1918 – ноябрь 1920. Фронтальная Гражданская война

Ноябрь 1920 – декабрь 1922. Завершающий период Гражданской войны.

Рассмотрим еще такой вопрос, как соотношение двух путей развития революционного процесса. В советской историографии друг другу противопоставлялись события Февраля-марта и Октября-ноября 1917 г. Этот подход к событиям 1917 г. можно назвать концепцией двух революций. Но он, на первый взгляд, не согласуется с концепцией Великой Российской революции как единого процесса. Выход из этого историографического тупика возможен, если рассматривать революционный процесс как непрерывный (перманентная, но не в плане мировой, революция) и в то же время дискретный, то есть разделяемый на последовательно наступающие качественно отличные временные состояния. Непрерывность в данном случае выступает в виде фаз единого общего процесса развития. При этом его векторы направлений могут меняться. Для понимания исторического развития могут использоваться принятые в научной терминологии такие понятия, как непрерывно-дискретный и дискретно-непрерывный процессы. В нашей трактовке революционный процесс в России 1917 г. относится к последней категории.

Февральское народное восстание в Петрограде сменило императорскую власть на две новые – на Временное правительство и Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов. Так, с самого начала революции всплывают два ее лица – либеральное и социалистическое. Неожиданно для всех складывается двоевластие, и хотя Пе-

тросовет признает Временное правительство как легитимную власть – это не снимает их конкуренцию. В “Записках о революции” Н.Н. Суханова есть такой удачный образ: соглашение Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и Временного правительства было «*уговором об условиях поединка*» [96, с. 177]. Практика революционного действия ведет общественные силы по пути от формального к реальному двоевластию, а “революция низов” развивается и углубляется под социалистическими лозунгами. Это делало рано или поздно неизбежным не просто “бодание”, а столкновение по принципу “кто кого забодает” между двумя центрами власти. Попытка найти решение основного противоречия революции путем создания коалиционного правительства в апреле не привела к утверждению в стране сильной власти. И хотя идея коалиции выдержала два мощных удара слева – июльские вооруженные демонстрации – и справа – августовское вооруженное выступление генерала Л.Г. Корнилова – правительство А.Ф. Керенского уже в октябре было почти сброшено «с корабля революции». Целеполагание общественного движения изменилось: либералы были не только оттеснены от революционного движения, но и противопоставлены ему, а радикальные социалисты его возглавили. Из двух векторов революции доминирующим оказался радикально-социалистический, ибо он опирался на народные представления о справедливости (справедливый мир, черный передел, общество без эксплуатации) и имел вождя-организатора в лице партии большевиков, готовой и к восстанию, и к диктатуре, и к массовому террору.

Альтернатива военной диктатуры (с реорганизацией или упразднением Временного правительства) была отсечена неудачей/крахом вооруженного выступления под руководством Корнилова. Отсроченным последствием этого краха стала социально-политическая изоляция Временного правительства. Большевизация Советов была проявлением нарастания отчуждения масс от Временного правительства. Укоренение в общественном сознании левоориентированных масс лозунгов “Долой министров-капиталистов!” и “Вся власть Советам!” свидетельствовало, что время двухструйной революции, каковой она была в своем начале, прошло. Ее радикально-социалистическая составляющая набрала и обрела сокрушительную энергию.

Выделим фазы революционного процесса в 1917 г. на основании вышеизложенных соображений и его трактовки как дискретно-непрерывного явления.

– 23 февраля (8 марта) – 2 (15) марта. Народное восстание в Петрограде и падение монархии Романовых. Народное восстание заканчивается созданием Временного правительства, Петросовета и отречением Николая II от престола.

– 3 (16) марта – 4 (17) мая. Первое (либеральное) Временное правительство и формирование механизма двоевластия; начальная фаза этапа демократической революции. Апрельские (20-21) демонстрации и начало противостояния тыловых гарнизонов и Временного правительства.

– 5 (18) мая – 2 (15) июля. Первое коалиционное Временное правительство как попытка консенсуса между либералами и умеренными социалистами.

– 3–4 (16 -17) июля – 31 августа (13 сентября). Фаза обострения внутренних противоречий революционного процесса и борьба за власть с использованием силовых методов. Провал попытки установления военной диктатуры со стороны генералитета.

– 1 (14) сентября – 24 октября (6 ноября). Сосредоточение государственной власти в руках А.Ф. Керенского и создание социально-политического вакуума вокруг Временного правительства. Большевизация Советов и армии. Подготовка большевиками свержения Временного правительства вооруженным путем. Последняя фаза демократического этапа революционного процесса.

– 25-26 октября (7-8 ноября) 1917 – 5-6 (18-19) января 1918. Победа большевистского вооруженного восстания в Петрограде: низложение Временного правительства и создание Советского правительства. Начальная фаза социалистического этапа революции, сопровождающаяся установлением власти Советов на всей территории страны и заканчивающаяся разгоном Учредительного собрания.

Таким образом, революционный процесс в России 1917 г. включает два этапа – демократический и социалистический и ряд сменяющих друг друга фаз на каждом из этапов.

Шесть лет революции стали теми “страшными днями”, о которых провидчески писал Пришвин. Но не будем перелистывать “страшные дни-страницы”, с их ужасами: расстрелами ни в чем неповинных жертв, пытками, насилиями и грабежами. Достаточно посмотреть недавно вышедший фотоальбом “Революция и Гражданская война в России. 1917 – 1922 гг.”.

Хочу только обратить внимание на то, что от голода (5,2 млн. чел.) и эпидемий (3,9 млн.) погибло больше людей, чем в боях (260 тыс. красных+170 тыс. белых, в подсчетах не учитывались умершие от болезней и позже от ран). Но больше, чем на фронтах, погибло в результате красного и белого террора (1,5–2 млн.) [72, с. 148, 240]. В труде по истории населения России общие потери вооруженных сил определяются в 2,5–3,3 млн. чел. (включая убитых в боях, умерших от ран и болезней) [58, с. 97]. Вполне понятно, что все эти цифры относительны (нормальную статистику в гражданских войнах не ведут) и что, наряду с ними, существуют и другие, основанные на разных источниках и методиках подсчета. Нас в данном случае интересуют соотношения по разным категориям убыли населения. Мемуары участников войны и художественная проза писателей, при всей их пристрастности (в дневниковой записи 10 февраля 1918 г. И.А. Бунин заметил, что настоящей беспристрастности никогда не будет), несут в себе и незамутненные свидетельства военных преступлений и разорений. И задача историка – разобраться в двух историях: в событиях самой революции и в истории ее осмысления и толкования [100; 28].

Багдасарян В.Э.

1917-й год: историческое сознание народа и антиоктябрьская пропаганда

Народ голосует за большевиков и монархистов.

Настоящее определяется прошлым, всеми теми историческим накоплениями, которые переводят состояние

«было» в состояние «сейчас». Но и настоящее, в свою очередь, определяет прошлое, диктует ее восприятие на основе современных представлений и ценностных матриц, опрокидываемых в историю. В этом отношении особое значение приобретает мониторинг исторического сознания. Одним из важнейших вопросов такого мониторинга является отношение к Революции 1917 года, как важнейшему событию, что следует признать вне зависимости от ее оценки в плюс или минус, не только в истории России, но и человечества.

Отношение к Революции выступает, помимо диагностики исторической памяти народа, одним из наиболее индикативных выразителей современного идеологического спектра России. Идеологическое самоопределение включает и определение политической силы, от которой нынешние адепты той или иной идеологии выводят свое преемство. В этом отношении уникальные результаты мониторинга

исторического сознания (именно так их определил, в частности, академик С.Ю. Глазьев) в фокусе Революции 1917 г. представляет проект, инициированный Фондом Андрея Первозванного. В рамках проекта проводился опрос, косвенно мониторирующий историческое сознание современных россиян – виртуальные выборы в «Учредительное собрание» через сто лет. Предоставлялась возможность проголосовать за одну из семи партий, соответствующих политическому спектру Революции 1917 г. – большевики, меньшевики, эсеры, левые эсеры, монархисты, кадеты, октябристы, анархисты. Голосование шло в социальных сетях, продолжалось несколько месяцев и охватило более 30 тысяч человек.

Полученные результаты в наиболее широкой нише проголосовавших – группа «В Контакте» – отражены на приводимом ниже рисунке. Эксперты в формате экспертной сессии анализировали полученные результаты (рис. 1) [17].

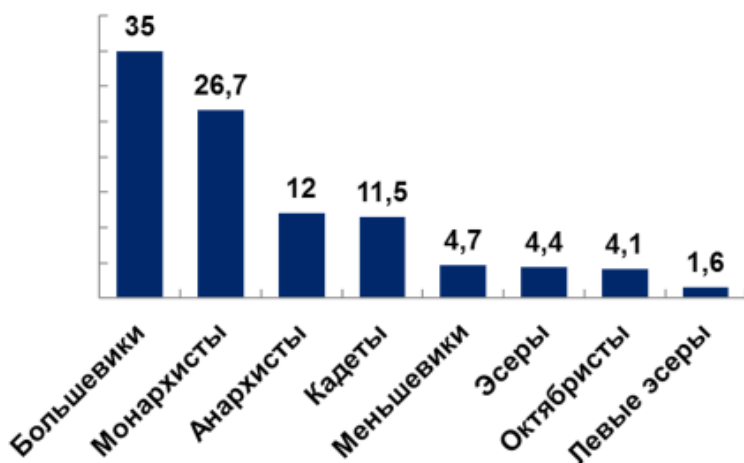

Рис. 1. Выборы в Учредительное собрание – 100 лет спустя (в сети «В Контакте») (в %).

Первое место по результатам голосований с большим отрывом от всех остальных партий заняли большевики. При голосованиях по итогам командных игр студентов на базе МГИМО и ЯГУ, при участии студенческих коллективов МГУ и МГОУ, победа была, по результатам голосований зрительского зала и жюри, опять-таки за большевиками [13]. Конечно, это не был классический социальный мониторинг. Однако результаты проекта позволяют сделать вполне определенный вывод о том, что современное российское общество по своим доминирующим симпатиям в прошлом остается преимущественно просоветским. И эта его позиция имеет принципиальное расхождение с подходом, представляемым современной российской учебной литературой и властным дискурсом. Советские симпатии общества сохраняются вопреки существующей системе исторической пропаганды, что позволяет говорить о преломляемом через историю ценностном противостоянии народа и элиты. Просоветские симпатии большинства подтверждаются и данными других социологических опросов, в частности опросом Левада-центра, согласно которому наиболее предпочтительными для россиян оказались плановая модель экономики и советская модель политического устройства.

Вторую позицию по результатам голосования заняли монархисты, отстав на 10 % от большевиков, но на 13 % опередив идущих третьими анархистов. С одной стороны, это указывает на расколотость современного российского общества. Конфликт между «белыми» и «красными» воспроизводится на уровне массового исторического со-

стояния и в настоящее время, по прошествии столетия. Это представляется серьезной угрозой в контексте значимых внешних вызовов, требующих высокого уровня консолидированности народа. Совпадение в 2018 г. даты столетия начала Гражданской войны и президентских выборов в России может явиться, при существующей ситуации расколотости общества по отношению к прошлому, фактором политической дестабилизации.

Раскол усиливается различием позиций в отношении к прошлому разных возрастных групп россиян. Если среди представителей среднего возраста и старшего поколения в голосовании победили большевики, то среди молодежи – монархисты. Протестные настроения можно обнаружить в высоких позициях – третьем месте по результатам голосования – анархистов – 12 % голосов.

Однако другой стороной полученных результатов проведенных выборов явился доминирующий выбор россиян в пользу идеологии сильного российского государства. Голосовавшие за большевиков голосовали, по сути, за советский патриотизм, исторические достижения СССР. Голосовавшие за монархистов голосовали за патриотизм православной империи и образ великой державы в ее православно-монархической версии. Но это означает, что патриотизм является единой высшей ценностью и для тех, кто отдает свое предпочтение «красным», и для тех, кто идентифицирует себя с «белыми». Соответственно, ценностное объединение россиян принципиально возможно, и это объединение может состояться на платформе патриотизма.

Другим обстоятельством, обнаруживаемым в причинах голосования за большевиков и монархистов, на основе мониторинга комментариев в форумах, являлся запрос россиян на выдвижение со стороны государства системы высших государственных ценностей и смыслов (идеологии). Такого рода достаточно четко артикулированные ценностно-смысловые доктрины были и у монархистов – идеология православной государственности, и у большевиков – идеология коммунизма. Запрос на формирование ценностно-мировоззренческих систем бытия, не обязательно по подобию прежних систем, но с учетом новых реалий и вызовов, существует у большинства современного российского населения.

Виртуальные выборы в Учредительное собрание через сто лет показали провал популярности либеральной идеологии в современной России. Партии, которые прямо или опосредованно могли бы ассоциироваться с либеральной идеологией, получили меньшинство голосов. Даже суммарно все партии, которые имели своих представителей в разных составах Временного правительства, набрали заметно меньше голосов, чем большевики или монархисты. Идеология ценностей Февральской революции (феврализма), вопреки апелляции к ней как к российскому историческому шансу в западной и российской либеральной печати, не имеет популярности среди россиян.

Важные выводы можно сделать по результатам подобного голосования в Белоруссии и на Украине. Итоги виртуальных выборов в обеих республиках – первая позиция – большевики,

вторая – монархисты, оказались такие же, как в России. Это свидетельствует о сохранении на уровне массового сознания славянских стран «ближнего зарубежья» общей с российским социумом ценностно-мировоззренческой матрицы во взглядах на прошлое. Особенно полученный результат важен по отношению к Украине, население которой подвергается, как известно, массивной антироссийской исторической пропаганде. Несмотря на попытки очернения официальной пропагандой исторических образов России в образе Российской империи и СССР, украинское население все равно голодает преимущественно за связываемые с российско-имперским и советским прошлым, а в целом – с исторической Россией, идеологические позиции.

История Революции продуцирует политические конфликты. Как преодолеть конфронтацию?

Само обращение к теме Революции имеет политические конфликтные проекции, какая бы ее интерпретация не была предложена. Есть здесь и внешнее, и внутреннее проявление конфликта.

Внешнее преломление связано с выдвижением в рамках реализации советского проекта планетарной альтернативы развития. СССР, по словам выдающегося отечественного мыслителя Александра Зиновьева, выступил не просто в качестве геополитического противника Запада, но эволюционного конкурента с весомыми шансами на успех. В советский период был достигнут абсолютный исторический максимум по удельному весу экономики России в мировом ВВП. Удельный вес СССР был таким, какой сегодня имеет Китайская Народная Республика. В

плане военных потенциалов его положение было еще более значимым. Понять природу внешнего конфликтного отношения к Революции и советскому проекту в целом, игнорируя при этом объективный фактор мировой конкуренции, было бы методологически неверно.

Внутреннее проявление конфронтационности темы Революции связано с воспроизводимым через сто лет партийно-идеологическим противостоянием. Это противостояние никогда и не прекращалось. В советское время оно было перенесено на «русское зарубежье». После распада СССР конфликт реминисценции 1917 года вновь вернулся в Россию, явившись катализатором раскола российского общества. Ломаются копыта между сторонниками различных общественно-политических групп, выводящих свое преемство от сил, боровшихся друг с другом во время Революции и Гражданской войны. И это, безусловно, создает угрозы для развития страны, продуцирует опасность новых потрясений.

Как же быть с пролонгируемыми темой Революции конфликтами? Существуют четыре возможные позиции реагирования на новую актуализированную конфронтацию.

Первая позиция – забвение. Она состоит в том, чтобы вообще уйти от рассмотрения острых углов революционного нарратива – не ворошить прошлое, чтобы не создавать конфликтных ситуаций в настоящем. Но идти по этому пути, означает вообще принятие логики запрета на историю, которая разворачивается через противоречия и конфликты. Кроме того, самоустранение от участия в дискуссии не будет означать ее прекращения. Провоциро-

вание конфликта будет осуществляться вне зависимости от нашего к нему отношения и погасить его представляется возможным только через смену конфликтной парадигмы. Мы хорошо помним, к каким последствиям может привести политика забвения, реализуемая в брежневский период. Создаются «белые пятна истории», затем эти «белые пятна» превращаются в «черные», а потом осуществляется очернение всей истории страны, лишаемой право на существование.

Вторая позиция – принять одну из сторон конфликта. Но это бы означало прямое разжигание новой Гражданской войны.

Третья позиция заключается в призыве к взаимному покаянию всех сторон исторического противостояния. Но покаянская практика, как показывает мировой опыт, часто приводит к формированию коллективных комплексов и, как следствие, реваншизму. Сама идея всерусского покаяния очень напоминает покаяние всегерманское после поражения Германия во Второй мировой войне. И соответствующие параллели уже проводятся.

Остается четвертая позиция – разрешения противоречий через выход на более высокий уровень ценностного синтеза. Перспективы такого синтеза оказываются потенциально возможны при переходе на методологию цивилизационного подхода. Применение цивилизационного подхода соотносится со словами Президента в Послании Федеральному Собранию 2012 г. о России как особом типе государства-цивилизации. Но если российская цивилизация продолжает существовать, то значит, что ее цивилизационное существование не было

прервано большевиками. И Московская Русь, и Российская империя, и СССР представляли собой исторические модификации единой цивилизационной парадигмы. Морфологически они находились в конфликте друг к другу, парадигмально представляли единый цивилизационный феномен. Соответственно и в фокусе анализа 1917-го года выход на уровень российской цивилизационной парадигмы позволит показать, что конфликт не имел характер фундаментального противоречия и, соответственно, преодолим. Противоречие в исторических переменных при единстве в цивилизационных константах.

Конечно, большевиков в 1917 г. трудно было бы назвать патриотами. Большевистское положение о России как «хворосте мировой революции» хорошо известно. Но со временем, столкнувшись с реальными задачами управления страной и вызовами внешнего иноцивилизационного давления, большевики все более очевидно переходили на патриотическую платформу. И, во всяком случае, те, кто сегодня связывает себя с традицией СССР, относятся к ней через призму ценности патриотизма. Недостаточными патриотами показали себя в Гражданскую войну и «белые», идя на уступки западным державам в обмен на политическую и военную помощь. Но, как и в случае с большевиками, в данном измерении более важно, что современные адепты православно-монархической традиции исходят из безусловной ценности патриотизма. И те, и другие оказываются патриотами и сторонниками российского государственного суверенитета, что, таким образом, дает основание для разрешения конфликта.

Признавая, что и императорская, и советская Россия являются различными выражениями российской цивилизации, следует, по этой логике, признать наличие в фундаменте обеих общих ценностных оснований. Обнаружив эти ценностные основания, с опорой на них строится уже Россия в настоящем и будущем. Идея, каким образом может формироваться преемственная российская история, была сформулирована патриархом Московским во время Рождественских чтений 2015 г. Каждый период российской истории внес свою идеальную компоненту в развитие российской цивилизации: Древняя Русь – веру, Российская империя – державность, Революция – справедливость, Советский Союз – солидарность, Российская Федерация – человеческое достоинство. Речь шла именно об идеалах, далеко не всегда соответствующих практике. Казалось бы, у Церкви, больше, чем у какого-либо другого общественного института, есть весьма резонные основания для критики Революции. Но патриарх признает принципиальную значимость привнесенных Революцией и советским периодом истории идеалов: «А было, – задавался вопросом патриарх во время выступления на Рождественских чтениях, – что-то хорошее в революции?» И далее отвечал: «Вся эта механика, никогда бы это инспирирование из-за рубежа, никогда бы эта система пропаганды не сработала, если бы она не легла на очень чувствительную нравственную почву, на востребованность справедливости. Не было достаточно справедливым российское общество во время империи. И социальное, имущественное расслоение, и этот фактор был использован всеми

этими пропагандистами, которые привели к кровавой бане, но стремление к справедливости присутствовало в революционном процессе. И разве мы можем сказать, что это плохо, что люди стремились к справедливости? А советский период? Да, конечно, и лагерь, и коллективизация, сопровождавшаяся кровью, и индустриализация при помощи ГУЛАГа, а разве не было энтузиазма, разве не было солидарности? А разве не было освоения целины? А разве не было комсомольских молодежных отрядов? А разве не было многого другого, о чем сегодня воздыхают люди, скажем, старшего и средне-старшего возраста? Солидарность» [73]. То, что патриарх говорит о позитивности опыта комсомольских молодежных отрядов – дорогого стоит и дает прекрасный пример объединения на общей патриотической платформе различных сил российского общества.

Октябрьская революция и факторы советофобии

Не будет откровением сказать, что современный мир является миром войн нового типа – информационно-психологических и когнитивных, а история – едва ли не главным ристалищем этого противоборства. Было бы странным, если 1917 год не оказался в фокусе политико-исторической пропаганды. Для нас в данном случае принципиально важно, что за вывеской критики советского, в чем-то, действительно, заслуживающего справедливой критики, часто скрываются банальные антирусские и антироссийские фобии. «Мы думали, что нас ненавидят за то, что мы *«красные»*, а нас *ненавидят* за то, что мы *русские!*», – это откровение можно, прежде всего, адресовать к историческому дискурсу.

В Польше менее месяца назад принят закон о декоммунизации, хотя, казалось бы, коммунистическая идеология в польском обществе выкорчевана уже давно под корень. Советские символы не просто запрещаются, но и оскверняются. В Кракове установлен памятник – писающий Ленин желтого цвета [32]. Не вызывает сомнения, что эти выпады направлены не против идеологии коммунизма, которая снята сегодня с повестки Европы, а против России.

На Украине в майданный и пост-майданный период демонтировано более 1200 памятников Ленину [70]. Акции демонтажа рассматриваются как антироссийские манифестации. Казалось, Ленин и коммунизм давно уже не являются образами идеологического позиционирования России. В российской исторической школьной литературе сегодня они подвергаются острой критике, имеющей зачастую тенденциозный характер. Тем не менее, Майдан наглядно показывает, что через дезавуирование советского осуществляется негативизация связываемого с ним русского. А вот еще один эксцесс современной украинской политики – те же самые вандалы, которые демонтируют и оскверняют памятники Ленина, облили красной краской памятник равноапостольному князю Владимиру в Киеве, выражая тем самым недовольство в связи с его победой над Степаном Бандерой при опросе общественного мнения. Атеист Ленин и Владимир-креститель парадоксальным образом оказываются в одной связке антироссийской пропаганды и русофобии.

Первый фактор проецируемой на Октябрьскую революцию советофобии состоит в выдвигании СССР

реальной идеологической и геополитической альтернативы Западу. И это была альтернатива, имеющая реальные шансы на победу. Арнольд Джозеф Тойнби свидетельствовал именно об этом – модификации через Революцию цивилизационного противостояния: «С момента коммунистической революции, последовавшей за либеральной революцией в 1917 г., Россия бросила вызов Западу, какого он не знал со времен второй оттоманской осады Вены в 1683 г. Коммунистический российский вызов Западу был не только вызовом господству Западу над всем остальным миром: это был также вызов западному либерализму от имени западной идеологии, которая теперь стала действенной силой в великой незападной стране. Под предводительством России коммунизм вознамерился соревноваться с либерализмом за умы и сердца незападного большинства человечества, которое еще не предалось ни одному из этих двух соперничающих жизненных путей» [100].

В результате Октябрьской революции произошло то, что Иммануил Валлерстайн считает возможным только в исключительных случаях – изменение мир-системы. Все другие великие свершения истории, включая и революции, действовали иначе – ускоряя или затормаживая уже и без того развертывавшиеся исторические процессы. Российская Революция меняла саму парадигму развития мира. В этом она отличается от Великой Французской революции, явившейся логическим завершением процесса распада феодального мира. А вот как оценивает значение Российской Революции сам основоположник мир-системного анализа. «Послание русской революции,

– пишет Валлерстайн, – различным образом повлияло на мир сильных государств, который мы будем называть панъевропейским, и на мир неевропейский. В ретроспективе едва ли можно сомневаться, что угроза перехода рабочего класса на более воинственные позиции заставила правящие классы сильных государств реагировать быстро и умно. В результате социальный пакет, способный удовлетворить трудящихся в панъевропейских странах, сильно увеличился... Но какое бы значение не имел этот результат, он бледнеет по сравнению с влиянием русской революции на неевропейский мир» [70]. В пробуждение Востока, ревизии системы западнотризма, видит он главный исторический итог произошедшей благодаря Октябрю 1917 года мир-системной трансформации.

Вторым фактором неприятия Октябрьской революции является заключенный в ней антиэлитаризм. Советская модель по сей день оказывается вызовом в отношении любых форм неравенства. Сегодня нельзя быть сторонником любых версий идеологии избранничества и превосходства и не являться при этом антисоветчиком. Соответственно, западничество и элитаризм оказываются базовыми идеологическими основаниями антиоктябрьской историографии и исторической публицистики.

Дезавуирование советского периода истории не может не включать негативизации ее исходной точки, каковой являлась Октябрьская революция.

Одним из значимых факторов распада СССР было дезавуирование советской истории. Критическая кампания в СМИ была начата в 1987 г. и приурочивалась к столетию Октябрю

ской революции. Вначале в фокусе критики оказывался сталинизм и брежневизм, затем – весь советский период истории и, наконец, всей России. Следствием такой критики оказалось распространение представлений о нелегитимности СССР – как преступного, по своей сущности, государства [20]. Подсказываемым выводом из исторической делегитимизации СССР являлась его самоликвидация.

Футурология Семнадцатого года

У семнадцатого года есть не только составляющая истории, но еще и футурологии. В условиях того тупика, в который был заведен мир, – вначале волнами системных кризисов, а потом и планетарной войной, – мысль человечества генерировала образы иного будущего жизнеустройства. И Россия оказалась главным мыслительным конденсатором своего времени. Если рассматривать историю человечества в интеллектуальном измерении, то, безусловно, российский семнадцатый год стал временем не только трагических потрясений, но и величайшего футурологического дискурса. Можно принимать или не принимать революцию, можно стоять на позициях монархистов, большевиков, кадетов или эсеров, но нельзя отрицать ее величия. И как диссонируют с попытками понижения значения Российской Революции, оценки, данные ей современниками – выдающимися мыслителями, далеко не разделявшими идеологии коммунизма.

Анатоль Франс: «Если в Европе есть друзья справедливости, они должны почтительно склониться перед этой Революцией, которая впервые в истории человечества попыталась учредить народную власть, действующую в

интересах народа» [98].

Джавахарлал Неру: «...Советская революция намного продвинула вперед человеческое общество и зажгла яркое пламя, которое невозможно потушить. Она заложила фундамент той новой цивилизации, к которой может двигаться мир» [64, с. 24].

Герберт Уэллс: «Я считаю Октябрьскую революцию одним из величайших событий истории. Она коренным образом изменила идеологию всего мира...» [12, с. 593].

Томас Манн: «Я хочу, чтобы никто не сомневался в моем чувстве уважения к историческому событию моего времени – Русской революции. В своей стране она покончила с давно ставшими нетерпимыми анахроническими порядками, подняла духовный уровень народа, 90 процентов которого были неграмотными, создала несравнимо более человеческие условия жизни для народных масс. Она является величайшей революцией после политической революции 1789 года, и, подобно ей, оставит своей след в жизни человечества» [12, с. 449].

Бернард Шоу: «Для меня, старого человека, составляет глубокое утешение, сходя в могилу, знать, что мировая цивилизация будет спасена... Здесь, в России, я убедился, что новая коммунистическая система способна вывести человечество из современного кризиса и спасти его от полной анархии и гибели» [16].

Прошло сто лет. Как и сто лет назад, мир сотрясаем финансово-экономическими кризисами. Военная эскалация подводит человечество к порогу больших войн. Социальное и межстрановое расслоение достигло исторического максимума. Как и сто лет назад, ру-

шится традиционная система ценностей и мировоззренческих координат, все чаще проявляются эксцессы озвещения человека. И в этих условиях вопрос о выдвигании альтернативы, о создании образа будущего имеет решающее для судеб человечества значение. Многие в мире ожидают, что и новую глобальную ценностную альтернативу предъявит вновь человечеству именно Россия. В этом плане осмысление семнадцатого года есть не просто обращение прошлого, но и, что особенно важно – дискурс о будущем.

Иерусалимский Ю.Ю., Федюк В.П.

1917 г. в Ярославской губернии

Наступил столетний юбилей событий 1917 г., коренным образом изменивших социально-экономический и общественно-политический строй в России. Конечно, судьба страны вершилась в столицах, но перемены не обошли стороной и российскую провинцию. Ярославль и сто лет назад выделялся среди губернских центров центральной России. Этому способствовало удачное положение на главных транспортных артериях: волжский речной путь, прямое железнодорожное сообщение с обеими столицами. Ярославль стал одним из пунктов великой Транссибирской магистрали. Город стремительно рос и к 1917 г. насчитывал населения 128 тыс. человек.

При этом Ярославская губерния продолжала оставаться провинцией в типично российском смысле этого слова: жизнь здесь текла медленно, а известия о происходящем в столицах доходили с опозданием. Интересно посмотреть, о чем писали газеты

в губернском центре накануне февральской революции. Их читатели, в отличие от нас, еще не знали, что календарь перелистывает последние спокойные дни. Итак: состоялся концерт в помощь раненым воинам; в окрестностях города прошла лыжная гонка. В доме Михайлова показывали великана Т. Бакулина ростом в три аршина и пять с половиной вершков (почти 2 м 30 см), девушку 19 лет весом в 13 пудов 18 фунтов (220 кг), которая, несмотря на это, демонстрировала «поразительную красоту» [21]. Еще одно объявление, которое можно считать символичным, – 26 февраля 1917 г. в Волковском театре заезжая труппа давала оперу М.И. Глинки «Жизнь за царя». Через три дня царя в России уже не было.

Очевидцы революционных событий в Ярославле вспоминали, что 27 и 28 февраля в городе ощущалось напряженное ожидание. С улиц пропали городские. У дома губернатора на набережной столпились автомобили и экипажи губернского начальства. Днем 28 февраля в Ярославль поступила телеграмма о событиях в Петрограде. Губернатор попытался задержать ее, но это было уже невозможно. Первыми из рабочих о революции узнали железнодорожники. В тот же вечер в главных железнодорожных мастерских состоялось собрание. Было решено, соединившись с рабочими Ярославской Большой мануфактуры (ЯБМ), выйти на следующий день на улицы.

Утром 1 марта известие о революции облетело весь город, взорвав размеренный ритм жизни старого Ярославля. Несмотря на будний день, на улицах собирался народ. Среди толпы заметны были солдатские шинели. Не-

знакомые люди заговаривали друг с другом. Кто-то начал уже срывать вывески с царскими орлами.

Вечером того же дня в здании земской управы собрались представители земства, городской думы, кооперативов, выборные от фабрик и заводов. Председательствовавший на собрании отставной генерал К.К. Черносивтов зачитал телеграмму о событиях в столице и предложил создать «для поддержания порядка в городе» Комитет общественной безопасности. Главой комитета был избран председатель губернской земской управы Д.Е. Тимрот. Возражений это не вызвало. Правда, когда дело дошло до того, чтобы скрепить подписями протокол, произошла досадная заминка – никто не хотел подписываться первым¹. Действительно, в происшедшие перемены было трудно поверить, но это было только начало.

Два дня спустя Временное правительство назначило в губернии своих комиссаров, предписав им выполнение обязанностей прежних губернаторов. Ярославским губернским комиссаром стал все тот же Черносивтов. Отсутствие разграничения полномочий между губернским комиссаром и Комитетом общественной безопасности создавало почву для многочисленных недоразумений. Дело осложнялось тем, что одновременно появился еще один представительный орган, претендовавший на власть.

В тот же вечер, 1 марта 1917 г., когда был образован Комитет общественной безопасности, в том же здании земской управы несколько десятков рабочих (железнодорожники, представители ЯБМ), собравшись в помещении од-

ной из канцелярий, объявили о создании Совета рабочих депутатов. Через три дня состоялось первое общее собрание Совета, на котором был избран его руководящий орган – Исполком. Состав Совета пополнялся в течение всего последующего месяца. К этому времени были установлены нормы представительства в Совете: предприятия с числом работающих от 250 до 500 человек посылали одного депутата, в случае, если рабочих было более 500 – двух, крупные заводы делегировали по три депутата от каждой тысячи работающих.

Большая растерянность царила в первые дни революции в уездах. Пошехонский исправник запрашивал губернатора: «Получена агентская телеграмма об организации исполнительного комитета Государственной Думы. Земство распространяет ее по городу и уезду. Почта считает легальной. Прошу указаний». Поверх текста (он сохранился в архиве) красным карандашом написано: «Эта телеграмма осталась без ответа»². Время несло слишком стремительно. К тому времени, когда телеграмма была доставлена по адресу, не было уже ни исправника, ни губернатора. К слову, о почтовой службе. В мартовские дни 1917 г. она попросту не могла справиться с захлестнувшим ее потоком корреспонденции [26, с. 224]. Газеты даже завели специальную рубрику, где публиковались адресаты полученных телеграмм, с тем, чтобы они сами могли прийти на почту, не дожидаясь, пока до них доберется почтальон.

Обычно не слишком людные улицы Ярославля в мартовские дни 1917 г.

¹ Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-849. Оп. 1. Д. 4. Л. 68.

² Государственный архив Ярославской области. Ф. 73. Оп. 7. Д. 1450. Л. 18.

были заполнены народом. У газетных киосков выстраивались длинные очереди. Мальчишки-разносчики, почувствовав возможность сорвать куш, просили от 20 коп. до рубля за газету, обычно стоившую пятак. Незнакомые люди поздравляли друг друга с пришествием свободы. Повсюду царил ощущение праздника, никто не думал, что праздник скоро отойдет тяжелым похмельем. Впрочем, какой-то подспудный страх все-таки ощущался: «Дай Бог, чтобы все обошлось спокойно – пока без манифестаций, без флагов, без митингов» [22].

Но как же без митингов и манифестаций! Уже в субботу 4 марта в городе прошла стихийная демонстрация, собравшая под свои знамена преимущественно рабочих. На следующий день, в воскресенье, состоялась еще более массовое шествие, на этот раз с участием солдат местного гарнизона. К полудню на Семеновской (ныне – Красной) площади Ярославля стал собираться народ. Войска торжественным маршем прошли перед зданием Городской думы, с балкона которой их приветствовали члены Комитета общественной безопасности. Начальник гарнизона обратился к войскам с приветствием: «Поздравляю вас с торжеством объявления свободы в России!». Солдаты отвечали дружным: «Ура!» [23].

Обратим внимание на эту сцену. «Объявление свободы», – так можно было сказать о царском манифесте, но никак не о революции. Однако в России привыкли к тому, что все, в том числе и свобода, даруется сверху. За дарованием свободы должно было последовать разъяснение, что теперь можно, а что по-прежнему нельзя.

Но в этот раз никакого разъяснения не было. Итогом стала сначала растерянность, а потом разудалая анархия. Радость, кружившая головы, рождала планы в духе фантастических утопий: «Боже мой, дух занимает от счастья. Как хорошо жить будем! Школы построим, откроем народные университеты ... Крестьяне будут работать машинами, не все руками ворочать ... Пришел великий творческий момент нашей истории! Народ творит волю свою!» [24].

Прежний режим казался настолько незыблемым, что происшедшее создавало впечатление чуда. Ну, а раз чудо произошло, то почему бы не быть другим чудесам? Примерно в это же время, а точнее 10 марта, массовая манифестация по случаю свободы прошла и в Рыбинске. Так вот, рыбинский Совет на заседании, состоявшемся в тот же день, постановил считать 10 марта первым днем весны¹. Можно, конечно, иронизировать по поводу столь явного пренебрежения календарем, но это решение было вполне в духе времени. Свободный народ может все – и сроки наступления весны перенести и даже солнце заставить пойти по небу вспять.

Население Ярославской губернии, как и всей российской провинции, до той поры было слабо вовлечено в политику. Даже жители губернского центра, не говоря об уездах, оказались не подготовлены к тому потоку лозунгов и призывов, который обрушился на их головы в первые недели революции. Различные политические партии соревновались между собой за то, чтобы

¹ Центр документации новейшей истории Ярославской области – филиал ГАЯО (ЦДНИ ГАЯО), Ф.394. Оп. 1. Д. 33. Л. 8.

привлечь к себе как можно большее число сторонников.

В начале марта в Ярославле возродилась организация партии кадетов во главе с директором Демидовского лицея В.Н. Ширяевым. В дальнейшем кадетские организации были созданы в Рыбинске, Угличе, Ростове. Кадеты объединяли в своих рядах прежде всего интеллигенцию: профессоров, инженеров, адвокатов. Месяцем позже, в апреле, состоялась губернская конференция партии эсеров. Эсеровские организации действовали не только в городах, но и в некоторых крупных селах. Это было связано с тем, что ядром их стали мелкие служащие и низкооплачиваемая интеллигенция, прежде всего сельские учителя. Эсеры пользовались симпатией и у части крестьян. Это обусловило их преобладание в руководстве губернского Совета крестьянских депутатов, созданного в марте 1917 г. В рабочей среде положение эсеров было несколько слабее.

На роль выразителей интересов рабочего класса претендовали социал-демократы. Во время Первой российской революции социал-демократы в губернии активно заявили о себе. Но к 1917 г. ни большевики, ни меньшевики не имели здесь сколько-нибудь многочисленных сторонников. Первое организационное собрание Ярославской организации РСДРП состоялось только в середине апреля. Она объединяла в своих рядах как большевиков, так и меньшевиков, причем позиции последних были более прочными. Большевики получили преобладание и в руководстве Совета рабочих депутатов. Будучи сторонниками умеренной линии, они, в отличие от большевиков, не призывали к свержению прави-

тельства. Но и без этого Совет вскоре оказался в состоянии конфронтации с прочими губернскими властями.

Первый случай противостояния был связан с «нотой Милюкова». 18 апреля (по новому стилю это 1 мая) в губернии, как и по всей стране, впервые открыто отмечался день солидарности трудящихся. В Ярославле прошла многолюдная манифестация, на которой антивоенные лозунги звучали чаще, чем какое-либо другие. Это было во вторник, а в пятницу центральные газеты принесли известие о том, что министр иностранных дел, лидер кадетов П.Н. Милюков от имени Временного правительства дал обязательство послам союзных держав в том, что Россия продолжит войну до победного конца.

Утром следующего дня состоялась экстренное заседание Ярославского Совета рабочих депутатов. Большевики на нем потребовали, чтобы Совет выразил недоверие центральной власти и в знак протеста снял со страниц своей газеты объявление о «Займе свободы», выпускавшемся правительством с целью сбора средств для ведения войны. Предложение это прошло почти единодушно. В дополнение было решено организовать в городе демонстрацию под лозунгом «Долой империалистическую войну!».

Антивоенные настроения были особенно сильны в солдатской среде. Революция дала толчок быстрому разложению армии. Повсеместное возникновение солдатских комитетов посеяло рознь между солдатами и офицерами. В Ярославле, к счастью, удалось избежать расправ над офицерами, но начальник гарнизона генерал Проваторов был вынужден в середине апреля уйти в отставку. Его заменил

полковник Лебедев, единственной за­слугой которого было то, что он пер­вым из офицеров присягнул Времен­ному правительству.

Еще ранее по инициативе командо­вания ярославского гарнизона в городе был создан Совет военных депутатов, куда на равных началах вошли пред­ставители, как солдат, так и офицеров. Возглавил его прапорщик Б.В. Дюшен, в последующие месяцы сделавший быструю политическую карьеру. Од­нако просуществовал Совет военных депутатов недолго. Уже через три не­дели большая часть представителей от солдат заявила о выходе из его состава и образовала самостоятельный Совет солдатских депутатов. В начале апре­ля он объединился с Советом рабочих депутатов. То же самое произошло и в Ростове (в Рыбинске с самого начала действовал объединенный Совет ра­бочих и солдатских депутатов).

Солдатская масса в большинстве своем была настроена весьма ради­кально и объединение двух Советов существенно усилило влияние больше­виков. В апреле 1917 г. VII партийная конференция большевиков поддержа­ла выдвинутый В.И. Лениным лозунг «Вся власть Советам!» [47, с. 113–118]. В Ярославле это привело к глубокому расхождению позиций большевиков и меньшевиков, продолжавших под­держивать правительство. На состо­явшемся 19 мая собрании ярославские большевики приняли решение о выхо­де из состава объединенной организа­ции РСДРП. Несколькими днями поз­же было избрано бюро ярославской большевистской организации, которое возглавил А.М. Дадукин. В июне само­стоятельная большевистская органи­зация возникла в Рыбинске, в Ростове

большевики и меньшевики состояли в составе единой организации вплоть до осени.

К лету в Ярославской большевист­ской организации числилось около 250 человек (из них 100 солдат), у меньше­виков – 400, примерно столько же – у эсеров, кадетская организация объ­единяла менее ста человек. На фоне более чем стотысячного населения города это было очень немного. Еще меньшими по численности были пар­тийные организации в уездах.

Даже после того как спало востор­женное настроение первых дней ре­волюции, жизнь в губернии так и не вошла в прежнюю колею. Это было особенно заметно в Ярославле. С улиц исчезли дворники, тротуары утопали в грязи. После того как была разогнана полиция, резко выросли преступность и хулиганство. Заменявшие городских милиционеры, по большей части на­бранные из студентов и гимназистов старших классов, защитой обывателю служить не могли.

Недовольство постепенно охваты­вало все социальные слои. Еще в марте по настоянию Совета рабочих депу­татов на большинстве предприятий губернии был введен 8-часовой рабо­чий день с сохранением прежней зара­ботной платы. Как результат, выросла себестоимость продукции, а вслед за ней и цены. Это породило новую вол­ну стачек, в ходе которых выдвигались требования повышения заработной платы. Предприниматели под давлени­ем Совета и при полном невмешатель­стве местных властей были вынуж­дены уступать рабочим. В результате наблюдался новый виток роста цен. К середине лета 1917 г. заработная плата на предприятиях губернии в среднем

выросла в 3–4 раза, цены же за это время поднялись вшестеро.

Деревня была недовольна задержкой в решении земельного вопроса. Крупных крестьянских волнений в губернии не было (лишь ранней весной в Мологском и Пошехонском уездах имели место два случая разгрома помещичьих усадеб), но самовольные порубки леса, затяжные конфликты из-за арендной платы стали повсеместным явлением [99].

Городских обывателей все больше начинали волновать нарастающие продовольственные трудности. Две трети необходимого хлеба и прежде поступали в губернию извне, теперь же срыв традиционных поставок грозил голодом. Уже летом в городах губернии неоднократно имели место случаи, когда толпа громила продовольственные лавки или захватывала хлебные баржи.

Известия о событиях в столицах только подливали масла в огонь. Как известно, в разгар летнего наступления на фронте Временное правительство предприняло попытку направить в поддержку действующей армии некоторые тыловые части. Это вызвало в Петрограде 3–4 июля 1917 г. массовое выступление солдат и рабочих, которым попытались воспользоваться в своих целях большевики. В Ярославле приказ об отправке на фронт получили 210 и 211 запасные полки. Полковые солдатские комитеты приняли решение в знак протеста выйти 6 июля на демонстрацию. Однако она не состоялась, так как накануне из столицы было получено сообщение о неудаче выступления.

На смену радостному настроению февральско-мартовских дней пришло

мрачное ощущение грядущего всеобщего развала. Единственное, что на короткое время отвлекло от этого жителей губернии – выборы в местное самоуправление. Впервые в истории России они должны были проходить на основе всеобщего и равного избирательного права. Предвыборная кампания, растянувшаяся с конца июня до начала августа, вылилась в острейшую борьбу политических партий. В итоге на выборах в городскую думу Ярославля блок эсеров и меньшевиков получил 69 мест из 103, большевики завоевали лишь 12 мест, кадеты – 11. В Рыбинске местные большевики выступали на выборах единым блоком с меньшевиками и эсерами. Объединенный социалистический список получил здесь 50 мест из 60. Победа досталась умеренным социалистам и в других уездных городах (кроме Углича, где удача улыбнулась кадетам). После выборов Комитет общественной безопасности заявил о своем самороспуске, передав свои полномочия вновь избранным органам самоуправления.

Большевики умело использовали обстановку, сложившуюся в стране после провала корниловского выступления. Об этом говорят итоги пере-выборов в Советы в сентябре 1917 г. Так, в новый Совет рабочих депутатов вошло 36 большевиков (было 16), 40 меньшевиков, 27 эсеров. В объединенном Совете рабочих и солдатских депутатов больше всех мест получили сторонники В.И. Ленина – из 250 мандатов большевикам принадлежало 111, меньшевикам и эсерам – 82, беспартийным и представителям других партий – 57. В железнодорожном районе города Ярославля, где раньше влияние меньшевиков было довольно ощути-

мо, большевики получили подавляющее преимущество. В Рыбинском Совете соотношение мест большевиков и меньшевиков стало – 40 к 32. В Романово-Борисоглебском уезде эсеры из 200 мандатов сохранили лишь 40, что говорит о существенном уменьшении влияния эсеров на крестьян региона.

Видя массовые требования передать власть Советам, эсеро-меньшевистское руководство объявило о созыве Демократического совещания для того, чтобы привлечь массы к государственному управлению. Большевики решили принять в нем участие лишь для критики позиции эсеров и меньшевиков. От Ярославля были избраны 3 большевика и один сочувствующий, а также два меньшевика, что свидетельствовало об усилении позиции большевиков в губернии.

Население города ощущало резкое ухудшение условий жизни и связывало это с политикой Временного правительства. В ряде районов страны наблюдался недостаток продовольствия. Ярославль не был исключением. Это признавали и представители правительства. Телеграммы и донесения местных властей в центр пестрят следующего рода сообщениями: «Срочно пришлите хлеба», «Хлеба осталось ровно на 3 дня». Даже в Рыбинске – известном центре речной хлебной торговли еще с первой половины XIX в. [14] – привоз хлеба сократился в 3 раза. Рабочие в городах губернии громили склады, но зачастую они были пустые.

Весть о победе советской власти в столице пришла в Ярославль 26 октября. В тот же день прошли массовые митинги и демонстрации трудящихся. 27 октября в «Доме народа» (ныне Волжская набережная, д. 23, Ярослав-

ский художественный музей) – бывшей резиденции губернатора – состоялось заседание Ярославского Совета рабочих и солдатских депутатов. На голосование было поставлено три резолюции: большевистская, эсеровская и меньшевистская.

За принятие большевистской резолюции о переходе власти в руки Советов проголосовали 88 депутатов, против – 44, воздержались – 2. Большевики и эсеры с возгласами по отношению к большевикам: «Узурпаторы, насильники!», покинули зал. Эсеровская боевая дружина и группа солдат 211 запасного полка во главе со своим командиром правым эсером Власовым предприняла попытку ареста большевиков – членов Совета. Однако многочисленные сторонники большевиков – солдаты и рабочие – проникли в окружавший резиденцию губернатора зимний сад и помешали этому.

Большевики заняли почту, губернскую типографию, банк. В банке ночью, когда туда явились большевики, находились лишь сторож, уполномоченный временного правительства и кассир. Несмотря на протесты представителя Временного правительства, кассир добровольно отдал ключи революционерам. Но когда открыли хранилище, оказалось что оно пустое – денег там не было.

Установление Советской власти не везде прошло мирным путем. Так, во время занятия большевиками здания городской милиции в Ярославле на Ильинской (в настоящее время Советской) площади, начальник милиции скомандовал подчиненным: «К оружию!». После перестрелки сопротивление милиционеров было подавлено. Красногвардейцы ЯБМ, во

главе с Федором Холуевым заняли 3-ю Закопторосльскую часть милиции. Офицеры милиции оказали вооруженное сопротивление, которое не привело к успеху. Также стрельбой сопровождался захват железнодорожного моста через Волгу.

2 ноября 1917 г. исполнительный комитет Ярославского совета рабочих и солдатских депутатов постановил образовать Красную гвардию. Записывали в нее с 4 часов дня до 8 вечера ежедневно. 28 октября при исполкоме Совета для защиты революции был создан ВРК под председательством большевика Д.И. Гарновского.

Комиссар Временного правительства, меньшевик Б.В. Дюшен (он в августе сменил К.К. Черносвитова), член исполкома горсовета, поддерживаемый товарищами по партии, на все предложения сдать дела упорно отказывался, вследствие чего был взят большевиками под стражу. Его посадили под домашний арест в одной из комнат «Дома народа». Желая использовать этот арест в целях агитации против большевиков, меньшевики М.М. Равич и И.И. Шлейфер, пообещав уговорить Дюшена подчиниться распоряжению Совета, были допущены к однопартийцу и объявили себя арестованными вместе с ним. Спровоцированные этим рабочие, главным образом железнодорожники, потребовали под угрозой забастовки освободить представителей «демократии». После сдачи дел Б.В. Дюшен был освобожден, чему способствовало еще и заступничество А.М. Коллонтай.

Таким образом, власть к Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов перешла в Ярославском крае преимущественно мирным путем, во

многом благодаря позиции большинства населения, которое устало от беспорядка, вызванного Февральской революцией. Разумеется, далеко не все население губернии единодушно поддержало большевиков, доказательством этого служит июльское восстание 1918 г. Но эта тема заслуживает отдельного изучения.

Наумов О.Н.

Октябрь 1917 года: взгляд консерватора

В современной историографии нет единого мнения об Октябрьской революции; ее признают и величайшей трагедией России, и восхваляют, оправдывая все кровавые последствия, якобы продиктованные исторической целесообразностью. В прошлом оценки были не менее многообразны, поэтому научная объективность требует, чтобы при изучении событий 1917 г. анализировался комплексно весь спектр суждений, высказанных представителями различных политических кругов и социальных слоев.

Заметной фигурой в русском консервативном движении начала XX в. был Леонид Михайлович Савелов (1868–1947), известный историк дворянства, выдающийся генеалог, архивист, библиограф¹. Научная деятельность не мешала ему делать успешную служебную карьеру, активно участвовать в общественно-политической жизни. Он принадлежал к убежденным монархистам, пользовался большим авторитетом в дворянском движении, последовательно отстаивая

¹ О Л.М. Савелове см.: [45, с. 424–454], [59, с. 4–12], [60, с. 3–12], [61, с. 497–498], [62, с. 444–445], [63, с. 144–152], [27, с. 76–77], [34, с. 67–74].

интересы старинных поместных родов и выражая позицию значительной части элиты.

1917 год Л.М. Савелов встретил на высоком посту холмского губернатора, но собиравшись вскоре оставить службу. Предполагалось, что на Пасху он получит звание почетного опекуна (приравненное к сенаторскому), а затем сосредоточится исключительно на научной работе, для чего, возможно, даже покинет Россию.

Февральскую революцию и свержение монархии историк не принял категорически и позицию свою не скрывал. Не считая новую власть легитимной, он демонстративно отказался поддерживать Временное правительство и не послал официальную телеграмму о его поддержке. Только под нажимом подчиненных холмский губернатор, в конце концов, подписал соответствующий документ, упомянув в нем только своих чиновников, но не себя.

Ответственность за смену власти Л.М. Савелов возлагал на политических деятелей либерального толка и военных, рассматривая их поведение как фактическую измену Родине и политический заговор. В воспоминаниях он написал прямо: «Считаю, что главными преступниками, главными виновниками гибели и позора нашей Родины являются такие люди, как Миллюков, Родзянко и вожди нашей армии в лице великого князя Николая Николаевича, Алексева, Рузского, Брусилова и других, заставивших армию изменить своему долгу и присяге в тот момент, когда армия была накануне окончательной победы» [81, с. 51].

В марте 1917 г., как и все другие губернаторы, Л.М. Савелова уволили в отставку. Он приехал в Москву и по-

пытался возобновить научные исследования, прерванные Первой мировой войной. Однако из-за нараставшего политического и экономического кризиса в сентябре 1917 г. бывший губернатор с семьей покинул город и отправился на Юг России. В 1920 г. Л.М. Савелов эмигрировал, жил в Греции, Королевстве сербов, хорватов и словенцев и, наконец, оказался в США. Везде он вел активную общественную и научную деятельность, с 1934 г. издавал историко-генеалогический журнал «Новик», написал воспоминания [87].

В опубликованных и неопубликованных трудах, мемуарах и переписке историк обстоятельно изложил собственную, довольно оригинальную точку зрения на события России начала XX в. В 1919–1920 гг. он напечатал в газете «Ялтинский вечер», а в 1920-е гг. – в издании «Вера и верность» (выходило в городе Нови Сад) цикл статей [74–80], где дал оценку Октябрю 1917 г. и последовавшим событиям. В конце 1920-х гг. Л.М. Савелов утратил интерес к политике и сосредоточился на изучении генеалогии и истории русского дворянства. С того времени мысли о революции появлялись в его работах эпизодически. Находящаяся в нашем распоряжении совокупность источников позволяет обстоятельно и всесторонне реконструировать отношение Л.М. Савелова к событиям Октября 1917 г.

Историк называл их революцией, но по сути считал безусловным государственным переворотом, не имевшим серьезных предпосылок и произошедшим без широкого участия народа, обманутого громкими лозунгами и демагогией «международной шайки

разных проходимцев»¹ [87], а также бандитами «с твердой волей, знавшими, чего они хотели, и затопившими в крови чужую им Россию» [81, с. 328]. Ответственность за Октябрь возлагалась исключительно на Временное правительство, которое было слишком слабым политически, не справилось с управлением страной и ввергло ее в хаос и безвластие. В течение 1917 г. происходило разложение всех сфер жизни общества. Пытаясь создать демократическую Россию, либералы из правительства способствовали ее уничтожению. Системным кризисом воспользовались большевики, захватившие власть.

Л.М. Савелов считал Октябрьский переворот непосредственным продолжением Февральской революции. Соответственно, «рабоче-крестьянское правительство» ученый называл «законным наследником» Временного правительства и, издеваясь над ним в привычных генеалогических категориях, определял эту власть как «правительство псевдонимов» [86].

Во всех политических потрясениях 1917 г. Л.М. Савелов обвинял либерально настроенных деятелей, и в особенности тех, кто работал в земстве, готовившем «при посредстве всех этих студентов, студенток, учителей, бесполезной армии господина Щербины»² почву для всего того, что пришлось испытать России в 1905 г., а затем в

¹ Следует пояснить, что в эмиграции историк пользовался двойной фамилией Савелов-Савелков вместо просто Савелов.

² Имеются в виду земские статистики; Федор Андреевич Щербина (1849–1936), экономист, статистик, член-корреспондент Петербургской Академии наук (1904), в 1870-х гг. участвовал в народническом движении, депутат 2-й Государственной думы (1907).

разные февральские и октябрьские революции» [81, с. 221]. «Интеллигенция мечтала о приближениирая на земле, не чувствуя, что стоит на пороге чрезвычайщины», – саркастически замечал бывший губернатор [81, с. 328]. Увидев «кошмарные последствия» своей «многолетней подрывной работы», в 1920-е гг. русская интеллигенция, по мнению Л.М. Савелова, подсознательно раскаялась в содеянном, стала заниматься изучением прошлого, но было уже слишком поздно, старая Россия погибла [87].

Будучи генеалогом, Л.М. Савелов рассматривал любые исторические события прежде всего антропоцентрически, через действия конкретных людей. Для него Октябрь 1917 г. был не результатом объективных, общих, надличностных процессов и причин, а следствием поступков конкретных персон. Он определял смысл революции через характеристику тех, кто в ней участвовал. Деятелей новой власти историк называл проходимцами, грабителями, ворами и мошенниками. По его представлению, эти люди заняли видные должности и возглавили государство только благодаря своей наглости и беспринципности. «Революция оборвала все [...] у всего русского народа, за исключением кучки негодяев, продавших свою совесть и поставивших свое личное счастье выше блага своего народа», – заявлял Л.М. Савелов [81, с. 83].

Уничжительной критике подвергались дворяне, примкнувшие к Октябрьскому перевороту и служившие советской власти. Их поведение стало позором для всего сословия и изменой присяге, данной императору. Особую ненависть вызывал у историка дворя-

нин Г.В. Чичерин, вошедший в большевистское правительство. Причина такого поведения элиты, по мнению Л.М. Савелова, заключалась в том, что многие дворяне, не обладая твердыми политическими убеждениями, оказались дезориентированы в сложной ситуации, растерялись от происшедшего, да и сама революция «многих переродила» [81, с. 178].

Будучи всю жизнь антисемитом, ученый подчеркивал роль евреев в событиях 1917 г., называя Октябрь делом «рук еврейства и нашей интеллигенции» [81, с. 58]. Причем образ еврея у Л.М. Савелова прочно ассоциировался с понятием «комиссара» [81, с. 350]. Также ненавидел он «предателей»-латышей, которые в период Первой мировой войны клялись в верности российскому престолу, всячески подчеркивали свою историческую общность со славянством, а затем приняли активное участие в развале империи и в репрессиях против русского народа [83]. Бывший губернатор противопоставлял им татар, многие из которых участвовали в Белой армии и, например, защищали Ялту от наступления красных войск [84].

В целом, Л.М. Савелов обвинял в организации событий осени 1917 г. «инородцев», маргиналов всех мастей и либералов. Сам же русский народ, не осознавший вовремя опасности, был, по его мнению, не более чем безучастным зрителем происшедшего.

Октябрьский переворот Л.М. Савелов расценивал как величайшее бедствие для России, ее позор и катастрофу для русской государственности, для русской культуры. Он озаменовал эпоху «крушения старых идеалов, эпоху свержения старых кумиров, эпоху

отрицания того, что признавалось и чтилось человечеством в течение многих веков» [85]. В самом общем, философско-культурологическом плане это была борьба христианства с новым, бездуховным (в отличие от старого, создававшего определенную культуру) язычеством, уничтожающим духовную культуру через прославление материального.

Л.М. Савелов проводил аналогии между возникшей после 1917 г. властью и монголо-татарским игом, прямо называл большевиков «ордой», которая силой и обманом захватила Русь, надругалась над святынями и нанесла непоправимый урон ее архитектурному и культурному наследию, разрушая монастыри и усадьбы. Советскую власть историк признавал «новым игом», погрузившим народ даже не сумерки, а в «полнейшую тьму». Условия жизни после переворота, по его мнению, были каторжными [87], ко всем слоям общества власть относилась по-хамски, отправляя, в частности, представителей бывшей элиты на тяжелые принудительные работы [86]. Как считал Л.М. Савелов, Октябрем 1917 г. Россия насильственно отодвинута в развитии на много столетий назад [88, с. 16].

Большевизм был абсолютным злом, стремившимся разорвать связи народа с собственным прошлым. Л.М. Савелов категорически отрицал наличие «особой» пролетарской этики, науки, литературы и признавал, что после Октября 1917 г. дворянство навсегда утратило политическое значение, стало категорией исключительно исторической.

Ни на какую созидательную работу, по мнению историка, большевики не способны, а только на грабежи,

убийства, расстрелы и прочие беззакония. Он осуждал те страны, которые в 1920-е гг. установили дипломатические отношения с СССР и начали развивать экономические отношения с ним. «Грабители и убийцы¹ раскатывают свободно на награбленные деньги, а правители государств жмут руки, покрытые кровью убитых жертв» [81, с. 352], – с гневом писал бывший губернатор.

Убеждения Л.М. Савелова представляли собой крайнюю форму консервативной критики Октября 1917 г. Аналогичной точки зрения придерживалась значительная часть эмиграции, связанная с монархическим и дворянским движениями. Эти воззрения, конечно, не претендовали на историческую объективность. Это была личная, эмоциональная оценка событий человеком, в результате переворота потерявшим и социально-должностной статус, и материальное благополучие, и полноценную возможность заниматься научной работой. Некоторые положения его концепции Октября мифологичны и не вполне соответствуют действительности, но и достоверные факты (например, сотрудничество конкретных дворян с советской властью) получали одностороннюю, только негативную интерпретацию. Позиция Л.М. Савелова была субъективна, но ее, тем не менее, необходимо учитывать при анализе общественного отклика на 1917 г.

В любом случае историку нельзя отказать в прозорливости, поскольку его утверждение, что большевики рано или поздно потеряют власть, а Советское государство канет в историче-

ское небытие, оказалось истинным. «Русский народ проснется от своего тяжелого сна, и на Руси вновь взойдет солнце» [88, с. 16], – поэтически провозглашал Л.М. Савелов, и его пророчество о конце эпохи Октября сбылось в 1991 г.

Маслов Д.В.

Некоторые вопросы современной историографии Октябрьской революции 1917 г. в России

Отмечаемый в этом году юбилей Великой русской революции не мог остаться без внимания специалистов и общественности и активизировал острые дискуссии. Особое место в них занимают вопросы, связанные с оценкой событий, произошедших в октябре 1917 г. Советская историография именovala их не иначе, как «Великая Октябрьская социалистическая революция». Это событие характеризовалось как имеющее всемирно-историческое значение, являющееся началом эры прогресса для всего человечества. В характеристике революции акцент неизменно делался на руководящей роли партии большевиков, возглавленной Лениным и опиравшейся на поддержку трудящихся. Одной из крупнейших работ советского времени стала трехтомная монография И.И. Минца «История Великого Октября» [54–56].

В конце 1980-х гг. усилиями нового руководителя Научного совета АН СССР по истории Октября П.В. Волобуева начался пересмотр господствовавшей до этого концепции Октябрьской революции. В условиях объявленной М.С. Горбачевым «перестройки» как «продолжении Октября» была поставлена задача «очистить» его

¹ Под грабителями и убийцами понимались деятели Советского государства.

от наслоений сталинизма, якобы искажившего высокие идеалы Октябрьской революции. В середине 1990-х гг. П.В. Волобуевым, В.П. Булдаковым в рамках набиравшего популярность антропологического подхода к истории был взят курс на освещение революции через восприятие рядового индивида. Проблемы революции активно исследуют и зарубежные специалисты – А. Рабинович («Революция 1917 года в Петрограде: большевики приходят к власти»), Р. Пайпс («Русская революция»), З. Галили, Э. Кетол, М. Рейман, У. Розенберг, Ц. Хасегава, Л. Хеймсон, А. Уайлдман, А. Улам и др.

В постсоветский период, казалось бы, возникли все предпосылки для отхода от идеологизации истории Октября. Однако, как отмечает известный исследователь данной проблематики В.П. Булдаков, на смену прежней конъюнктуре пришла новая, столь же далекая от исторической реальности, как и предшествующая [7, с. 178]. Причем это явление характерно как для отечественной, так и для зарубежной историографии.

Современная историография вопроса далека от идеализации октябрьских событий. Некоторые специалисты, и в еще большей степени – общественные деятели, поспешили вообще отказать Октябрю хоть в какой-то степени позитива. Одно время в политическую моду вошло стремление выводить именно из Октября все последующие беды России. Большинство историков следует более взвешенному подходу. Признавая факт серьезных усилий большевиков по подготовке выступления, они не склонны преувеличивать масштабы поддержки массами этой партии. В

качестве опоры РСДРП(б) называют воинские подразделения, непосредственно дислоцирующиеся рядом с «колыбелью революции». Более объективно стали изучаться события в Москве и ряде других городов, где большевики встретили ожесточенное, в т.ч. вооруженное сопротивление. Тем самым была поставлена под сомнение ленинская трактовка промежутка времени до весны 1918 г. как периода «триумфального шествия советской власти».

Из этого отнюдь не следует вывод о том, что взятие власти большевиками было лишь актом грубого насилия, не имевшим под собой никаких объективных оснований. Историки сегодня разделяют вопросы о готовности России к социализму в 1917 г. (каковой в целом не было) и готовность активной части общества «творить историю», которая была налицо.

Остается открытым вопрос о квалификации событий Октября 1917 г. Указанное выше пышное название советских времен в наше время практически не встречается. Да и категория революции даже без эпитетов стала употребляться реже. Чаще звучат сочетания «октябрьский переворот» (со ссылкой на то, что так называли это событие и сами большевики сразу после прихода к власти) и «октябрьское вооруженное восстание». Представляется, что в данном случае дискутирующие ведут речь о разном. То, что произошло непосредственно в октябре 1917 г., в большей степени является переворотом во власти, осуществленным путем вооруженного восстания. Но если понимать под революцией коренные преобразования во всех сферах общественной жизни, то очевидно, что к

середине 1930-х гг. и в экономике, и в политической жизни, и в идеологии произошли перемены, свидетельствующие о смене общественного строя. И первые из таких преобразований были объявлены уже на II Съезде Советов. Вопрос, следовательно, не в том, какую направленность приобрели эти изменения и можно ли считать построенное общество социалистическим (как полагали большевики), а в самом факте коренных общественных изменений. А считать ли их великими, очевидно, покажет время.

Тем не менее М.М. Горинев полагает, что «Октябрь – это, действительно, Великая Октябрьская социалистическая революция. Великая – потому что положила начало очередному технологическому рывку, превратившему Россию в одну из двух мировых сверхдержав. Октябрьская – потому что свершилась в октябре 1917 г. по старому стилю. Социалистическая – потому что очистила традиционный авторитарно-общинноартельный уклад русской жизни от язвы капиталистического неравенства. А также потому, что «вписала» Россию в глобальный процесс социализации производства (исторический аналог – государственно-монополистический капитализм на Западе: «Новый курс» в США, национал-социализм в Германии, фашизм в Италии). Революция – потому что в очередной раз перетряхнула все социальные слои русского общества» [25, с. 97].

В работах В.П. Булдакова для обозначения периода революционных потрясений употребляется известный по другому отрезку отечественной истории термин «Смута». С ее предшественницей начала XVII в. российскую

революцию роднит всеобщность кризиса государства и общества, переплетение многих факторов исторического процесса, крах устоявшегося веками образа жизни. Вместе с тем полностью отождествлять эти события вряд ли правомерно, т.к. из российской революции в результате возник новый общественный строй, чего нельзя сказать о XVII в.

Активно дискутируется и такой вопрос: Октябрь 1917 г. – самостоятельное событие или часть общего революционного процесса. Когда речь идет о революции как процессе социальном, то ее рамки принято толковать расширительно. А.В. Шубин называет революционным период 1917–1922 гг. И.В. Нарский рассматривает как единый период 1914–1922 гг., в рамках которого Октябрь 1917 г. выступает лишь как один из подъемов противостояния социальных сил. В своих выступлениях на организованных МГОУ и Государственным архивом Московской области сессиях, посвященных событиям 1917 г., О.В. Волобуев раскрывал содержание историко-культурного стандарта, в котором революция 1917 г. дается как единый процесс. В случаях, когда революция рассматривается лишь как акт взятия власти, то привычно выделяются Февральская и Октябрьская революции.

Остается актуальным и вопрос о причинах столь легкой победы большевиков в 1917 г. (по крайней мере, в Петрограде). И здесь выводы во многом зависят от политической ориентации автора (у профессионалов это, естественно, проявляется значительно меньше). Негативные оценки объяснения Октября сопровождаются, как правило, указанием на отсутствие

объективных причин взятия власти большевиками. В качестве объяснений приводятся: «обман» большевиками измученных затянувшейся войной масс, готовых поддаться на любые популистские лозунги; бесцеремонность лидеров большевиков и их готовность пойти до конца ради власти; отмечаются демагогия и бездеятельность А.Ф. Керенского, не сумевшего применить насилие в момент, когда это было обусловлено обстановкой. Согласно данным трактовкам, приход к власти большевиков был обусловлен их коварством, вероломством, отказом от общепринятых демократических процедур. Среди причин объективного порядка называется чаще всего отсутствие у широких общественных слоев демократического опыта как «прививки» от диктатуры.

Отдельно следует сказать о «причине», которую периодически вбрасывают в общественное сознание люди, далекие от науки, но страстно любящие сенсации. Речь идет о т.н. «немецком золоте», т.е. якобы переданных немецкими властями денежных средствах, с помощью которых революционеры вернулись из эмиграции в Россию и на эти же деньги «сделали революцию». Современным сочинителям подобных сенсаций, как правило, невдомек, что, во-первых, эта фальшивка появилась еще в послереволюционные годы и давно уже опровергнута фактами, обнародованными серьезными исследователями¹. Суть этой истории вкратце сводится к следующему. Большевики и представители ряда других социалистических партий, находившиеся на момент Февральской революции в швейцарской эмиграции, узнав о со-

бытиях в Питере, приняли решение вернуться на родину. Однако правительства стран-союзников (прежде всего Англии) в этом русским революционерам отказали. Оставался один путь – через Германию. Вокруг мероприятий по возвращению революционеров появились политические дельцы типа Парвуса. Однако Ленин категорически настоял на том, чтобы ни в какие финансовые отношения с немецкими властями или частными лицами не вступать. И вагон, который любят сегодня именовать «запломбированным» с намеком на далеко идущие последствия, был на таком режиме всё время передвижения, чтобы избежать всякого контакта с немецкими официальными лицами. Примечательно, что в том же 1917 г. политические противники Ленина во Временном правительстве и в Петросовете, узнав об этой истории, не придали ей значения. А им-то было очень выгодно именно тогда ее «раскрутить» и политически убить большевиков.

Всем этим давно известным фактам не стоило бы уделять здесь внимания, если бы не устойчивая популярность этой версии истоков российской революции октября 1917 г. А псевдоискателям исторической правды остается лишь напомнить, что революции «за деньги» сделать нельзя.

Серьезные исследователи находят в октябрьских событиях переплетение объективных и субъективных факторов, в котором трудно отдать первенство какому-либо из них. В последние годы акцент явно сместился с экономических на психологические факторы, которым советская историография не уделяла достаточного внимания. Большевики умело сыграли на

¹ См., напр., работы: [94; 49].

психологии толпы, ждущей быстрых и простых решений. Но при этом надо учитывать, что все остальные силы, участвовавшие в революционных событиях 1917 г. – от либералов до эсеров – доказали свою политическую несостоятельность, неумение управлять революционной стихией, в чём позднее многие из них сознавались. Российская интеллигенция, составлявшая ядро революционных партий, проявила склонность к радикализму в его крайних формах, неумение и нежелание идти на компромиссы с оппонентами. В неготовой к социализму стране власть, как стало модным утверждать, сама свалилась к ногам большевиков (в крупных городах, прежде всего, и на ряде фронтов). Современная историография дегероизировала взятие Зимнего дворца «широкими народными массами» и в целом события 25–26 октября 1917 г. На основании опубликованных в последние годы источников общество узнало о фактах произвола и анархии, которыми сопровождались те события. Но всё это не отменяет факта, признаваемого всё большим числом исследователей (в т.ч. и тех, кто коммунистам явно не симпатизирует), что в условиях октября 1917 г. реальной альтернативы большевикам уже не было. Вместе с тем В. Логинов опровергает распространённое суждение о том, что «власть в октябре 1917 г. валялась под ногами». Борьба, по его мнению, была не закончена, а ее исход до последнего оставался непредсказуем [48, с. 500, 507].

Одно из популярных направлений исследования революции – вопрос об альтернативах общественного процесса в России в 1917 г. Одно время поиск таких альтернатив был призван найти

варианты бескровного демократического развития России в послеоктябрьский период. Однако, как отмечает А.В. Шубин, боязнь умеренных социалистов потерять союз с буржуазией и интеллектуальной элитой исключила реализацию идеи «однородного социалистического правительства» и тем самым оставила большевиков один на один с властью, что и предопределило последующие события [104].

Это лишь часть вопросов, по которым не стихают историографические и общественные дискуссии. Небольшие рамки статьи не позволяют затронуть такие важные аспекты заявленной темы, как вопрос о закономерности российской революции и ее предпосылках; вопрос о реформаторских альтернативах революции, в частности, о значении реформ П.А. Столыпина; связь между Февралем и Октябрем 1917 г.; взаимосвязь Революции и Мировой войны, и другие вопросы. В заключение отметим работы, посвященные историографии российской революции в целом [7; 8; 10; 41; 57; 101; 51].

Федорченко С.Н.

Политические технологии большевиков в 1917 г.

Политические технологии – это приёмы по управлению общественным мнением, служащие конкретным властным задачам. Россия за всю свою историю прошла определённые этапы становления и развития политических технологий. В чём-то наблюдалась их специфика, обусловленная культурно-цивилизационным колоритом, а также особенностями политического и социально-экономического развития

нашей страны, но в некоторых случаях они были универсальны, имея много общего с зарубежными аналогами. Сами политические технологии априори не несут в себе какого-либо отрицательного значения и являются лишь средством достижения или сохранения власти: во-первых, они могут действительно служить деструктивным целям, но, во-вторых, ничто не мешает использовать их же как инструмент созидания, солидаризации общества, возрождения государства, консолидации политической нации.

Генезис отечественных политических технологий всегда всецело зависел от двух исторических условий – культурно-ценностной специфики России и развития в ней новых видов и элементов коммуникации. Это учитывали и большевики. Являясь во многом порождением эпохи модерна, большевики не только использовали научный инструментарий в рационалистическом познании окружающего мира, тренды секуляризации, промышленного развития, возникновения и развития политических идеологий, новых социальных классов, групп и политических партий. Они понимали, что если раньше, в период российского преמודерна, транслятором властных смыслов и образов были устное народное творчество, мифы, сказания, былины, легенды, исторические предания, летописи, повести, архитектура, иконопись, другие виды искусства, то модерн давал в руки большевиков инструментарий новых элементов коммуникации – книг, газет, журналов, кинематографа и радио, которые серьезно расширили возможности для праксиса политических технологий, подразумевавших не только воспита-

тельную миссию, но и содержавших определённый социально-культурный код и политический месседж.

Три основных вида политических технологий, практикуемых большевиками в 1917 году и позже (формирование сакральных матриц, героического пантеона и образа врага) очень примерно можно увязать с древнейшим у большинства народов мифом о *Мировом древе* [90, с. 14–56], в котором рассказывается о связи трёх миров – божественного, человеческого и подземного. Политическая антропология, как интересное и перспективное направление на стыке политологии, истории, археологии и антропологии, помогает осознать, что генезис образа врага во всех обществах был тесно связан с древнейшим архетипом зла, тёмных сил подземного мира, несущих вред всем людям и всему живому. При этом технология героизации обычно впитывала архетип предков-героев, древних вождей, архетип их противостояния злу, природным стихиям, враждебным племенам и народам, достойные примеры подражания, нацеленные на воспитание молодёжи (защита Родины, смелость, справедливость, помощь близким и т.п.). Наконец, приём сакрализации власти во многом опирался на древнейший архетип табу, божественного. Другими словами, большевики в 1917 г. довольно грамотно использовали эти основные политико-технологические приёмы, направленные на легитимацию нового советского государства. В своё время подобными методами пользовались античные и средневековые политики, французы и американцы во время своих революций и др. Так что большевики в этом плане были не одиноки,

а вполне адекватно учитывали некоторые закономерности политических процессов.

Активным направлением большевистских политических технологий стало формирование так называемого *образа врага* (представление противоположной стороны в негативном виде на основе древнего архетипа зла, архетипа подземного мира, враждебного к людям). В отличие от большевиков, царская пропаганда так и не смогла сформировать чёткий образ врага для укрепления собственного политического режима. Вдобавок возникшие партии и антиправительственные движения расщепляли общероссийский образ врага по причине политической конкуренции между собой и монархией. Довольно много сил отнимала и антипропагандистская работа, направленная против социал-демократической антивоенной агитации, наконец, дореволюционное правительство сосредоточилось на разъяснении целей и характера войны, укреплении морального духа и предотвращении дезертирства [46, с. 90–93]. Зато более целостный образ врага получилось разработать у большевиков.

Образом врага, сплотившим большевиков, изначально стали монархия, царь, капитал, полиция, кулак. В.И. Ленин, Н.К. Крупская, Г.М. Кржижановский и др. наладили связи между революционными организациями на местах, сетью рабочих кружков, предусмотрели конспиративную работу, механизм агитации и пропаганды социалистических идей, распространения и хранения нелегальной литературы. Большевистская верхушка решительно пресекала различного рода отступления от основной стратегии

и тактики партии (достаточно вспомнить мгновенную реакцию Ленина на манифест «Credo» Кусковой) [37, с. 137–142]. К 1917 г. большевики добились создания довольно эффективной системы пропаганды образа врага в российском общественном сознании. Руководил идеологической работой ЦК РСДРП(б), при котором существовала лекторская коллегия, дававшая пропагандистские кадры для российских регионов. В качестве целевой группы политико-технологической работы большевистской партии были не просто рабочие и крестьянство, а именно слой молодёжи. Так, 65% россиян по переписи 1987 г. составляла молодёжь (население до 30 лет), к 1914 г. 29% российских рабочих деревни и города имело возраст до 19 лет [35, с. 82–92]. Большевики прекрасно учли этот фактор, понимая, что молодёжь более радикальна, эмоциональна, социально активна и склонна к политическому переустройству общества.

После Февральской революции острие критики большевиков направилось на Временное правительство. Более чёткие очертания образа врага стали приобретать и другие их политические соперники – меньшевики и эсеры. К примеру, 20 июня 1917 г. Московский комитет РСДРП(б) принял резолюцию, согласно которой предполагалось организовать антиправительственную пропаганду, а также критику партии меньшевиков и эсеров; 28–29 июня Московское областное бюро РСДРП(б) на пленарном заседании приняло резолюцию, где предписывалось разоблачать пособническую деятельность эсеров и меньшевиков, бороться за укрепление военных партийных организаций; 20–21 сентября

в Ярославле рабочие вместе с солдатами потребовали от местного Совета, где были в основном меньшевики и эсеры, выдать мандаты для поиска продовольствия; 23 сентября в Рославле (Смоленская губерния) солдаты добились от эсеро-меньшевистского Совета перевыборов, 4 октября в Рязани солдаты после принятия губернским съездом крестьянских депутатов эсеровской декларации потребовали принятия большевистской резолюции [106, с. 90–96] и т. п.

Но большевики не делали ставку только на обличение и критику политических соперников, они планомерно практиковали политическую технологию создания *героического пантеона* (конструирование образов именно как положительных примеров на основе архетипов добра). Традиция этого приёма имеет исторические корни в героическом эпосе, постоянно обращающегося к теме единства Русского мира, его богатырях-защитниках, консолидации страны. Поэтому первостепенно задачей большевиков стал перехват революционного политического месседжа у Временного правительства, миссии народных заступников-героев у своих политических соперников. Сначала основная доля солдатских депутатов после февраля шла за меньшевиками и эсерами, что определило изначальную ориентацию большевистской пропаганды на рабочих и солдат (это подтверждает анализ публикационной работы издательства ЦК РСДРП (б) «Прибой», где к интересам этих категорий населения в октябре было адаптировано порядка 50 наименований брошюр и книг каталога).

Большевистская агитация в армейских массах, провал июньского

выступления, карательные меры со стороны Временного правительства вызвали улучшение настроений в целевой аудитории солдат по отношению к РСДРП(б) [107, с. 34–41]. Большевики стали приобретать среди солдат ореол героических народных заступников, стремящихся к окончанию войны и смело идущих вразрез с политикой правительства и эсеров. Позже большевистская агитация активизировалась и по отношению к целевой группе крестьян, стараясь вытеснить и здесь эсеров. Важной задачей большевиков здесь был перехват политического месседжа о земельном вопросе. Лениным была поддержана и так называемая «идея клапанов», означающая временное сохранение части буржуазной прессы, через которую выходило недовольство слоёв, ограниченных Октябрьской революцией [1, с. 70–82]. Важно подчеркнуть, что после завоевания власти большевики взяли курс на героизацию ярчайших представителей собственной партии, участников Гражданской войны. После 1917 г. героический пантеон новой власти стали пополнять красные командиры, советские учёные, рабочие, крестьяне. Хорошим подспорьем здесь стал кинематограф, печать, радио, а значительно позже – телевидение. Ничего подобного до Октябрьской революции не было. Практически невозможно представить позднее царское и Временное правительство, ставящих в качестве примера для подражания обществу, молодёжи успехи простых людей. Таким приёмом большевики надолго привлекли к своему проекту массы россиян.

Политическая технология конструирования *сакральных матриц* подраз-

умевала постоянное обращение большевиков к историческому процессу, наделение коммунизма священными, позитивными свойствами, а также сакрализацию самой коммунистической власти. Не случайно, рассматривая категорию цивилизационной матрицы, О.Э. Бессонова пишет, что генезис отечественного институционального ядра исходил из той доминирующей стороны архетипа, которая эффективно учитывала все реальные исторические среды, где складывалась наша страна (политико-культурная, природно-климатическая, национально-демографическая, материально-технологическая и культурно-религиозная) [6, с. 131]. Это хорошо сочетается с идеями Н.А. Бердяева и концептом А. Тойнби «вызов-и-ответ». Последний показал, что только народ, ответивший на вызовы природы, создаёт цивилизацию. Безусловно, это также учитывали большевики. Бердяев в работе «Истоки и смысл русского коммунизма» подчёркивал, что большевики взяли от марксизма его мессианскую сторону, тогда как религиозные верования, на которых основывалась сакральная платформа монархии, уже до революции стали разлагаться. Вместо ослабшего образа народа-крестьянства коммунисты в консолидирующем страну мифе о пролетариате по-новому восстановили миф о русском народе и его мессианстве [5, с. 107–153]. По словам политического философа, большевики осуществили в России не просто Третий Интернационал, – на него перешли черты Третьего Рима – ортодоксальной идеи священного царства и русского мессианства. На практике коммунистическая пропаганда советского государства поставила сложную

задачу – создание идеального Царства Божия на Земле, для чего был разработан и символический код (появились свои коммунистические мессии, мученики, ритуалы и святые). Были учтены и коллективистские, общинные ценности, распространённые в обществе [29, с. 128–140; 97, с. 31]. Ничего принципиально нового здесь не было, достаточно вспомнить пропаганду петровской идеи «общего блага» – воспитания способности подданных служить государству. Большевицкое мессианство было направлено как во вне (мировая революция, Коминтерн и т.п.), так и намечало поистине грандиозные задачи строительства совершенно нового государства [43, с. 10–23] с распространением массовой грамотности, доступной культуры, науки, медицины, появлением социальных лифтов, поднимающих простых людей на самые высокие управленческие уровни.

А что же конкуренты большевиков? Конечно, царская политическая полиция в 1917 г. и раньше пыталась противодействовать распространению тех социалистических идей, сведений, теорий, которые могли представлять опасность для существующего общественного порядка, но в её антипропагандистской работе не наблюдалось целостности. Работе политической полиции мешали противоречия между различными государственными органами власти, занимавшимися проблемой экстремизма. Поэтому идеи русских марксистов и большевиков достигали российской аудитории, находя поддержку в некоторых её слоях. Хотя дореволюционные Осведомительное бюро и Отдел печати МИД по своим задачам были схожи с современными

российскими пресс-службами, но на практике их работа была хорошо поставлена лишь в плане осведомления правительства, а не осведомления печати [31, с. 130–135]. Иными словами, эффективной «обратной связи» между обществом и государством царскому политическому режиму наладить не удалось. Временное правительство также не смогло добиться целостного политико-технологического воздействия на российское общественное мнение, так как при нём конкурировали Информационный отдел и Отдел печати при Политическом управлении. Большевики подобные противоречия старались не допускать, подавляя партийную фракционность в корне, что и позволило им организовать централизованное информационное воздействие на россиян.

* * *

Таким образом, приход к власти большевиков был определён не просто силовыми методами и социально-экономическими условиями. РСДРП(б) провела серьёзную информационную работу по завоеванию общественного мнения, вникая в проблемы многих целевых аудиторий тогдашней России. Во-первых, большевики в отличие от царского и Временного правительства создали из своих политических оппонентов целостный образ врага, который сплотил и самих революционеров. Конструирование образа врага предусматривало представление противоположной стороны в негативном виде на основе древнего архетипа зла, враждебного к людям. Во-вторых, благодаря грамотно организованной агитации, большевики начали создавать героический пантеон из собственных

революционеров и активных деятелей партии (именно как положительных примеров на основе архетипов добра и архетипов народных заступников, а также образа народных мучеников). Наконец, в-третьих, большевики, практикуя технологию формирования сакральных матриц, не догматизировали марксизм, а, переосмыслив отечественный исторический процесс, создали консолидирующий страну миф о пролетариате, по-новому восстановив миф о мессианстве русского народа.

Телицын В.Л.

О революционном процессе 1917 года – прогресс и регресс

Основоположники и западноевропейские теоретики марксизма характеризовали и оценивали революции не иначе, как «локомотивы исторического прогресса» [50]. Им вторили их российские последователи – теоретики-радикалы, которые ни на йоту не желали отступать от «чистого марксизма» [9; 41]. А все человеческие трагедии, которые явились последствием революции и последовавшей Гражданской войны, характеризовались «варварскими» формами прогресса [19, с. 365].

Общественный прогресс, в отличие от революции, это – рост материального благосостояния граждан страны, базирующегося на эффективно развивающейся экономике [108, р. 3]. Однако понятие «прогресса» имеет тенденцию трансформироваться в утопическую парадигму, а революция из пространства реальности перемещалась в пространство мифа [92; 39].

Человек традиционного общества (обыватель) в условиях революции вы-

живал, а не приумножал свое материальное благосостояние. Мало того, он пребывал в идеализированном прошлом, а не в неведомом для него настоящем и будущем. А в эпоху революций обыватель подвергался «обольщению» прогрессом¹.

Революция с точки зрения теории – это утопия, с точки зрения реальности – настоящая социальная катастрофа, естественно, в силу консервативности и конформизма человеческого мышления. А чтобы совесть человека не слишком отягощал груз социальных преобразований, революцию конвертировали в миф. И последний создают сами революционеры, от которых «эстафету» перехватывают исследователи-обществоведы [36].

Обыватель не был склонен признаваться в собственных ошибках и собственных просчетах, тем более – в заблуждениях, «предписанных» самой историей. К сожалению, данная тенденция сохраняется и в наши дни. Обществоведы стремятся оправдать теоретиков и вождей революции: человеческие пороки и слабости якобы «искажают» их «идеальные» замыслы и самопожертвование борцов за «светлое будущее» [11; 40].

Конечно, далеко не все рассуждали именно так. К примеру, бесспорен факт, что Российская империя накануне Первой мировой войны с точки зрения состояния экономики (аграрного и индустриального секторов) являлась вполне преуспевающей страной. Что же мешает стране рационально

двигаться по пути эволюции? Почему же «скептики» проигрывают в спорах, уступая в своих доводах революционным «оптимистам»?

Нет ничего более идеализируемого в современном общественном сознании, чем русская революция 1917 г.: в основе последней констатации вечное «обывательское» недовольство своим положением материального плана. Человек – извечный «бунтарь», если даже он позиционирует себя конформистом [53, с. 123]. Чем же недовольны обыватели? В основе недовольства революций – негодование к носителям власти (чиновникам), особенно к тем, кто «обманул их ожидания». Ставка в таком случае делается на революцию. И последнюю воспринимают как прорыв в «светлое будущее» [2, с. 221, 265].

Но никаких «прорывов», естественно, не происходит: один чиновник меняется иным. Вектор оптимального развития – процесс медленной эволюции общества через развитие самого человека, причем в качестве творца собственного будущего. А русская революция 1917 г. – это состояние, когда в человеке проснулся дикарь. И не стоит искать виновников коллективного умопомрачения, здесь главное – ментальность.

Человек никогда не доволен тем, что имеет, он всегда жаждет большего, причем – как правило – в фантастических очертаниях (особенно в условиях революции, которая, по мнению обывателя, должна решить все глобальные проблемы, причем – в одночасье). Соблазн революционного прыжка «в светлое будущее» был более привлекателен, чем длительный эволюционизм, сопряженный с просчетами и ошибками, с длительным ожиданием в процес-

¹ Термин «обыватель» употребляется нами не как исключительно «городской житель», а в широком аспекте – «человек, лишенный общественного кругозора, живущий личными интересами» (С.И. Ожегов).

се решения поставленных задач. Этот соблазн появляется от открывшихся мифических перспектив преодоления бытовых тягот повседневности. С другой стороны, русское государство «всегда ломало кости обществу своим необъятным весом» [66].

Сегодня мало кто сомневается в том, что революции начала XX столетия (в том числе и русская) были подготовлены радикальными идеями Просвещения [36, с. 130], получившими развитие в России еще с конца XIX столетия. Образ революции, который сформировали радикальные ее почитатели и последователи, оказал определяющее влияние на всю русскую историю и культуру (почти до конца XX столетия). В мышлении русского радикального интеллигента революция перенеслась в сакральный срез общественной жизни [15]. Процесс формирования ее образа проходил через сознательное забвение тех ужасов (политических, идеологических и просто бытовых – террор, эпидемии, голод и проч.), которые сопровождали «торжество революции». «Сведения» о революции русские радикалы черпали из работ западноевропейских теоретиков социализма [89; 63, с. 151], отказываясь верить в то, что происходит на практике после свержения власти насильственным путем. Настоящий образ «бессмысленного и беспощадного» русского бунта оказался скрыт обещаниями «светлого будущего», а ее жертвы оценивались как неизбежные «издержки» перехода от одной «формации» к другой.

Еще один повод к революции: так называемый «экономический кризис». Революция хотя и решает одни хозяйственные проблемы, но усугу-

бляет другие. В результате, человека возмущало социальное неравенство, противоречащее декларируемым хозяйственным достижениям, которых не было [30]. (Что и произошло в России после 1917 года.)

Конечно, в возможности осуществления революции в России в 1917 г. можно было бы усомниться, не окажись у «руля власти» Николай II [103]. Он как монарх оказался откровенно слаб. В эпоху модернизации правитель может существовать, если только он будет действовать на опережение ситуации: он обязан упреждать события, «подталкивая» ожидаемый прогресс [3; 99]. В этом был убежден еще Н. Макиавелли [108, 198–201]. Но российский император жил прошлым, мыслил в категориях спокойствия и застоя, не задумываясь о том, что происходит в различных уголках его огромной страны. Такое положение противостоит естественному, все могло обернуться (и обернулось) трагедией. Как отмечали исследователи, императорская ментальность тянула «Россию в направлении, противоположном тому, к которому тяготела идеология вотчинного самодержавия, и стремилось консервативное чиновничество. Правительству, философия и практика коего покоились на началах вотчинного абсолютизма, не оставалось ничего другого, как стать на путь экономической политики, подрывавшей его же основы» [68]. Ситуация в России второго десятилетия XX в. усугублялась тяготами мировой войны. Материализм, утилитаризм и позитивизм влияли на идеологию русской радикально настроенной интеллигенции, и приверженность к этой идеологии была определенным критерием причастно-

сти к интеллигенции вообще. Ни один «верующий в Бога и бессмертие души», как бы ни был он «просвещен» и «прогрессивен» в остальном, не мог претендовать на звание «интеллигента». Не было места среди интеллигенции и тем, кто придавал существенное значение роли случая в человеческих делах, либо верил в неизменность «человеческой природы», либо в высшие нравственные принципы. История русской революции 1917 года «изобилует примерами “интеллигентов”, которые, усомнившись в том или ином положении этой идеологии, были исторгнуты из интеллигентской среды» [69].

Стоит в этой связи напомнить и об идее мировой революции – еще об одном фетише российских радикалов 1917 г. Но даже в первые революционные годы она – мировая революция – даже для многих революционных радикалов – оставалась призраком. Из письма Д. Рязанова К. Радеку (1918 г.) следовало, что со «стороны Советской России думать о том, что она может зажечь социалистический пожар в западной Европе, есть детские мечты. Такая же детская мечта говорить о независимой экономической политике в Советской России» [71]. Из последнего замечания следовало, что, в общем, причина революции лежала не столько в социально-экономической плоскости, сколько в психологии восприятия человеком окружающего пространства. Неудивительно, что падение самодержавия вызвало такой восторг у российского обывателя.

Не подлежит сомнению тот факт, что на отношении российских граждан к свержению самодержавия сказался культ Великой французской революции. Это был даже не культ, а настоя-

щее поклонение фетишу, на который «молились» российские радикалы, стараясь не замечать террор (якобинство), который свершался во Франции в конце XVIII столетия [18].

В наши дни все гораздо «проще»: революцию совершили «заговорщики-конspirаторы», злонамеренно сбившие Россию с прогрессивного пути развития [93; 94]. Все непонятное кажется обывателю (и не только ему, а еще и любителям во всем усматривать заговор «западной закулисы») злонамеренным. Это заложено в природе человека [4].

В марте 1917 г. восторг охватил ту часть населения, которая привыкла бунтовать лишь «на собственной кухне» [65, с. 101, 181], не задумываясь о постреволюционных перспективах – своих и страны в целом. Даже крестьянство – большинство населения России – связывало с падением самодержавия решение аграрного вопроса, причем – в духе так называемого «Черного» или «Коренного» передела. Однако революция 1917 г. обернулась полем несбыточных надежд – в том числе и для крестьянства, в том числе и для «кухонных» диссидентов.

Сегодня забывается, что Русская революция 1917 года ожидаемого прогресса не принесла (и не могла принести в принципе). Влияние русского общества (в первую очередь – крестьянства) на векторное движение революции было скорее консервативным, нежели прогрессивным: сокрушив монархический режим, российские крестьяне держались за общину – архаическую социальную и экономическую структуру, что привело к замедлению эволюции сельского хозяйства, к движению последней к энтропии [50].

Русскую революцию 1917 года вновь – как и двадцать пять лет назад – начинают/продолжают оценивать как «Великую» (правда – не как социалистическую). Современное общество (интеллигентное) продолжает мыслить в той же парадигме, что и в 1917 г., согласно которой предреволюционная Россия двигалась от традиции к модерну. Если бы русская интеллигенция – в 1917 г. – была более зрелой, то есть терпеливой и лучше разбирающейся в психологии правящих кругов монархии, возможно, удалось бы совершить упорядоченный переход от думской демократии к настоящему конституционному строю. Но этих качеств российской интеллигенции, к несчастью, не хватало. С того дня, как манифест 17 октября 1905 г. вступил в силу, они использовали любую возможность развязать войну против монархии [67].

Российская история начала XX в. развивалась не «одномерно», и не «спиралевидно», а «циклично». Революция способна сдерживать прогресс, а не стимулировать его движение. Настоящий (а не мнимый) общественный прогресс может развиваться только эволюционным путем. Основой его является совершенствование самого человека, самого общества. Все остальное – порождение социальных иллюзий, революционный соблазн и радикальный самообман.

Багдасарян В.Э.

Заключение

Сто лет назад расколотое российское общество встало на путь братоубийственной бойни. Раны от этого братоубийства продолжают кровоточить по сей день. По сей день события сто-

летней давности служат источником идеологических конфронтации. Между тем глобальные вызовы современности, обостряющаяся конкурентная борьба, эскалация военной напряженности требуют высокой степени национальной консолидации. Достигнуть этой консолидации возможно, найдя только единые ценностные основания российской истории. Такие ценностные основания были найдены, в частности, в позиции большинства населения России, да и «ближнего зарубежья» к Великой Отечественной войне. Народная инициатива «Бессмертный полк» воочию показала потенциалы ценностного единения в вопросах исторической памяти. Задача, стоящая перед экспертным сообществом, историками, учителями, общественными деятелями – найти основания такого единения и применительно к событиям Революции и Гражданской войны.

Но возможно ли это? Можно ли примирить идейных преемников тех, кто стоял по разные стороны баррикад? На каком ценностном основании будет возможно такое объединение?

Мы полагаем, что возможности национального ценностного консенсуса в отношении прошлого существуют. Эти основания выражаются в формулируемой Президентом национальной идее – патриотизме. Национальная идея в том и заключается, чтобы объединять нацию. Существуют сегодня в российском обществе те, кто отстаивает преимущества советской системы жизнеустройства и в великих достижениях СССР видит предмет гордости за нашу общую Родину. Есть те, кто обращается к модели Российской империи, гордясь яркими страницами истории дореволюционной России.

Есть, наконец, и те, кто, считая себя подлинным либералом, верит, что великие перспективы и победы перед Россией открывала Февральская революция. Стоя – одни за Февральскую революцию, другие – за Октябрьскую, третьи – за незабываемость самодержавной модели государственности – все они являются патриотами своей страны, сторонниками ее суверенитета. Значит, само существование и процветание Родины является для всех них высшей ценностью, находящейся над всеми идеологическими разногласиями. И если это действительно так, то достижение базового единства позиций – возможно. Именно об этом, обращаясь к опыту 1917-го года, говорил в Послании Федеральному Собранию Президент России: «Уроки истории нужны нам прежде всего для примирения, для укрепления общественно-политического, гражданского согласия, которого нам удалось сегодня достичь. Недопустимо тащить расколы, злобу, обиды и ожесточение прошлого в нашу сегодняшнюю жизнь, в собственных политических и других интересах спекулировать на трагедиях, которые коснулись практически

каждой семьи в России, по какую бы сторону баррикад ни оказались тогда наши предки. Давайте будем помнить: мы единый народ, мы один народ, и Россия у нас одна».

Необходимым представляется осуществление комплекса практических шагов, направленных на формирование ценностно единой для большинства россиян патриотической линии позиционирования истории Революции и Гражданской войны. Нужны подчиненные этой цели просветительские проекты, исторические художественные произведения, исторические фильмы, объединяющие в общей народной памяти совместные мемориалы. Необходимо сформировать предметную интегративную версию отечественной истории, включающей все периоды государственности России в качестве важнейших составных звеньев развития российской цивилизации за ее более чем тысячелетнюю историю. Мы обращаемся ко всем, кто в силу профессии или в качестве любителей обращается к изучению прошлого России: сосредоточить усилия на решение этой принципиальной для будущего страны задачи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева Е.А. Московская периодическая печать в 1917–1918 годы: проблема взаимодействия с новой властью // Гуманитарные науки. 2013. № 3 (11). С. 70–82.
2. Артемьева Т.В. От славного прошлого к светлому будущему : философия истории и утопия в России эпохи Просвещения. СПб.: Алетейя, 2005. 496 с.
3. Асонов Н.В. Политические доктрины российского самодержавия и их модернизация. М.: РАГС, 2009. 296 с.
4. Багдасарян В.Э. «Теория заговора» в отечественной историографии второй половины XIX–XX вв. М.: Сигнал, 1999. 515 с.
5. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука. 1990. 224 с.
6. Бессонова О.Э. Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации. М.: РОССПЭН. 2006. 143 с.
7. Булдаков В.П. Историографические метаморфозы «Красного Октября» // Исторические исследования в России: тенденции последних лет. М.: АИРО-XXI, 1996. С. 179–205.

8. Булдаков В.П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия М.: РОССПЭН, 2010. 378 с.
9. Булдаков В.П. Утопия, агрессия, власть: психосоциальная динамика постреволюционного времени, Россия, 1920–1930 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 759 с.
10. Васьковский О.А., Тертышный А.Т. Феномен диктатуры пролетариата (1917 год в России в оценке историков). Екатеринбург: Урал. гос. экон. ун-т, 1995. 225 с.
11. Вахитов Р.Р. Революция, которая спасла Россию. М.: Алгоритм, 2017. 224 с.
12. Великая Октябрьская социалистическая революция: энциклопедия. М.: Сов. энцикл., 1987. 639 с.
13. В МГИМО прошли «предвыборные дебаты в Учредительное собрание 1917 года» [Электронный ресурс] // Русское военно-историческое общество [сайт]. URL: <http://rvio.histrf.ru/activities/news/item-3406> (дата обращения: 10.07.2017).
14. Велитченко Н.С. Хлебная торговля Верхней Волги в первой половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 1980. 189 с.
15. Вилков А.А., Захарова Т.И. Сакральные основания власти в политической жизни России. Саратов: Издательский центр «Наука», 2010. 200 с.
16. Воронцова Т. В гостях у «старшего брата» [Электронный ресурс] / Издательский дом «Первое сентября» [сайт]. URL: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200300909> (дата обращения: 10.07.2017).
17. В столетие Революции россияне голосуют за большевиков [Чинкова Е., 16.05.2017] [Электронный ресурс] / Комсомольская правда [сайт]. URL: <http://www.kp.ru/daily/26679/3702214/> (дата обращения: 10.07.2017).
18. Генифе П. Политика революционного террора, 1789–1794. М.: УРСС, 2003. 320 с.
19. Гизо Ф. История цивилизации в Европе. М.: Территория будущего, 2007. 336 с.
20. Гордина Е.Д. Проблемы отечественной истории на страницах массового журнала «Огонек» 1987–1991 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 2004. 228 с.
21. Голос (Ярославль). 1917. 8 февраля.
22. Голос (Ярославль). 1917. 3 марта.
23. Голос (Ярославль). 1917. 7 марта.
24. Голос (Ярославль). 1917. 8 марта.
25. Горинов М.М. Русская революция и кризисный ритм российской истории // Октябрь 1917 года: взгляд из XXI века (Сборник материалов всероссийской научной конференции). М.: Институт гуманитарного образования, 2007. С. 90–98.
26. Гуревич М. Историко-статистический сборник по Ярославскому краю. Ярославль, 1922. 232 с.
27. Двоеносова Г.А. Автографы Л.М. Савелова в Национальном архиве Республики Татарстан // Отечественные архивы. 1998. № 5. С. 76–77.
28. Дойчер И. Незавершенная революция. Россия 1917–1967. М.: Интер-Версо, 1991. 272 с.
29. Докучаева А.В., Михайлов В.П., Федорченко Л.В. Российская культура – связующий фактор на постсоветском пространстве // Россия и современный мир. 2014. № 1 (82). С. 128–140.
30. Ершов К.П. Эволюция взглядов и деятельности А.И. Балабановой в первой половине XX века: автореф. дис. ... канд. истор. наук. М.: РУДН, 2016. 27 с.
31. Жданова И.А. «Век пропаганды»: управление информацией в условиях войны и революции в России в марте-октябре 1917 года // Отечественная история. 2008. № 3. С. 130–135.
32. Желтый писающий Ленин появился в центре польского Кракова [10.06.2014] / НТВ

- [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1030477/> (дата обращения: 10.07.2017).
33. Памятники Ленину [Электронный ресурс]. URL: <http://leninstatues.ru/leninopad> (дата обращения: 10.07.2017).
 34. Замаева Е.В. Л.М. Савелов и археологические исследования в Воронежской губернии начала XX в. // Исторические записки: научн. труды исторического ф-та Воронежского ун-та. Вып. 11. Воронеж, 2005. С. 67–74.
 35. Измозик В.С. В.И. Ленин и большевики в 1917 году // Проблемы истории и историографии. Сборник докладов межвузовской научной конференции. Т. 1. СПб.: «ЛЭТИ», 2013. С. 82–92.
 36. Исаев И.А. Идея порядка в консервативной ретроспективе. М.: Проспект, 2011. 400 с.
 37. Кагарлицкий Б.Ю. Марксизм: введение в социальную и политическую теорию. М.: URSS - Ленанд, 2016. 320 с.
 38. Карцев В.П. Кржижановский. М.: Мол. гвардия. 1980. 383 с.
 39. Кириллова Н.Б. Медиалогия как синтез наук. М.: Академический проект, 2013. 368 с.
 40. Косарев А.И. Российская революция – объективная закономерность в мировом историческом процессе: (к 100-летию Российской революции): Историческое эссе. М.: Юрлитинформ, 2017.
 41. Костриков С., Кострикова Е. Локомотивы истории. Революционный 1917-й. М.: Алгоритм, 2017. 224 с.
 42. Кочетков Г.Н. Россия в 1917 году: выбор пути исторического развития (историография проблемы) // Европейская историография XX века: материалы российско-британской конференции историков. Ярославль-Эксетер: [б.и.], 1992. С. 23–38.
 43. Красин Ю.А. Величие и трагизм советского «эксперимента» // Полис. Политические исследования. 2017. № 1. С. 10–23.
 44. Красный Октябрь: двулика история / В.П. Булдаков, А.Х. Бурганов, В. Бухараев. Казань: [б.и.], 1992. 63 с.
 45. Культурное наследие российской эмиграции, 1917–1940. Ч. 1. М.: Наследие, 1994. 520 с.
 46. Кунжаров Е.М. Российская государственная пропаганда Первой мировой войны в отечественной историографии // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2013. №3(13). С. 90–93.
 47. Ленин В.И. О задачах пролетариата в данной революции (Апрельские тезисы) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. М.: Политиздат, 1969. С. 113–118.
 48. Логинов В.Т. Неизвестный Ленин. М.: Алгоритм, 2010. 576 с.
 49. Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М.: АИРО-XXI, 2006. 142 с.
 50. Малиа М. Локомотивы истории. Революции и становление современного мира М.: РОССПЭН, 2015. 405 с.
 51. Маслов Д.В. Историография новейшей истории России: учебное пособие. М.: МГОУ, 2016. 164 с.
 52. Матисов В.И. Среди людей неименитых: воспоминания современника. СПб.: Алетейя, 2010. 112 с.
 53. Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М.: Издательский дом ГУ ВШЭ, 2005. 575 с.
 54. Минц И.И. История Великого Октября. В 3-х томах [Т. 1]. М.: Наука, 1977. 784 с.
 55. Минц И.И. История Великого Октября: в 3-х томах [Т. 2]. М.: Наука, 1978. 1008 с.
 56. Минц И.И. История Великого Октября: в 3-х томах [Т. 3]. М.: Наука, 1979. 903 с.

57. Миллер В.И. Революция в России, 1917–1918 гг. (Проблемы изучения): дис. ... докт. ист. наук в форме науч. доклада по совокупности опубликованных трудов. М., 1995. 76 с.
58. Население России в XX веке. Исторические очерки. В 3х т. Т. 1. М.: РОССПЭН. 2000. 463 с.
59. Наумов О.Н. Л.М. Савелов и Историко-родословное общество в Москве // Историческая генеалогия. 1994. № 4. С. 4–12.
60. Наумов О.Н. Леонид Михайлович Савелов – архивист // Отечественные архивы. 2005. № 3. С. 3–12.
61. Наумов О.Н. Савелов Леонид Михайлович // Общественная мысль русского Зарубежья: энциклопедия. М., 2009. С. 497–498.
62. Наумов О.Н. Савелов Леонид Михайлович // Российский консерватизм середины XVIII – начала XX в.: энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2010. С. 444–445.
63. Наумов О.Н. Леонид Михайлович Савелов и изучение Отечественной войны 1812 года // История Московского края. Проблемы, исследования, новые материалы. Вып. 4. М.: Альянс-Архео, 2013. С. 144–152.
64. Неру Дж. Открытие Индии. М.: Иноиздат, 1955. 908 с.
65. Ойзерман Т.И. Оправдание ревизионизма М.: Канон+, 2005. 688 с.
66. От заката до рассвета. Ночь как культурологический феномен. СПб.: Изд-во Дмитрий Буланин, 2005. 300 с.
67. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 424 с.
68. Пайпс Р. Русская революция. Т. 1: Агония старого режима. М.: Захаров, 2005. 480 с.
69. Памятники Ленину, снесенные на Украине с декабря 2013 года (список, фотографии) / Памятники Ленину [Электронный ресурс]. URL: <http://leninstatues.ru/leninopad> (дата обращения: 10.07.2017).
70. Парадокс Валлерстайна [Bohemicus, 12.08.2012] / Livejournal [Электронный ресурс]. URL: <http://bohemicus.livejournal.com/72244.html> (дата обращения: 10.07.2017).
71. Пришвин М.М. Дневники. М.: Правда, 1990. 480 с.
72. Революция и Гражданская война в России. 1917–1922 гг. М.: ИД “Достоинство”, 2016. 384 с.
73. Рождественское интервью святейшего патриарха Кирилла телеканалу «Россия» [Электронный ресурс] / Русская Православная Церковь: официальный сайт Московского патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3914070.html> (дата обращения: 10.07.2017).
74. Савелов Л.М. В глубин народной // Ялтинский вечер. 1919. 25 сент. № 58.
75. Савелов Л.М. Социал-революционеры и их тактика // Ялтинский вечер. 1919. 22 ноября. № 101.
76. Савелов Л.М. За социалистическим забралом // Вера и верность. Новый Сад, 1924. № 43–44.
77. Савелов Л.М. Мысли вслух: несколько слов о демократии и любви // Вера и верность. Новый Сад, 1924. № 68.
78. Савелов Л.М.. Наемник – не пастырь // Вера и верность. Новый Сад, 1924. № 47.
79. Савелов Л.М. Отдельная личность // Вера и верность. Новый Сад, 1924. № 53.
80. Савелов Л.М. Царь и Церковь // Вера и верность. Новый Сад, 1924. № 50.
81. Савелов Л.М. Исторические наброски. Партия народной свободы // Вера и верность. Новый Сад, 1924. Новый Сад, 1925. № 74–75.
82. Савелов Л.М. Воспоминания / подгот. текста, предисл., коммент., им. указ. О.Н. Наумова. М.: Старая Басманная, 2015. 488 с.

83. Савелов Л.М. Латыши и Россия // Ялтинский вечер. 1919. 15 дек. № 121.
84. Савелов Л.М. Татары в России // Ялтинский вечер. 1919. 7 марта. № 193.
85. Савелов-Савелков Л.М. Русские святители и их значение в истории // Новик. 1938. № 2.
86. Савелов Л.М. Принудительные работы или несколько слов о хаме // Ялтинский вечер. 1920. 26 марта.
87. Савелов-Савелков Л.М. Генеалогия // Новик. 1939. № 4.
88. Савелов-Савелков Л.М. Из истории внешних сношений Киевской Руси (X–XIII вв.) // Новик. 1940. № 1.
89. Сапон В.П. Философия пробудившегося человека: либертаризм в российской лево-радикальной идеологии, (1840-е – 1917 гг.). Нижний Новгород: Издательство Нижегородского государственного университета, 2005. 334 с.
90. Сафронов В.А., Николаева Н.А. Истоки славянской и евразийской мифологии. М.: Белый волк, Облиздат. 1999. 312 с.
91. Смолин С.Н. Политический процесс в современной России. М.: Проспект, 2004. 326 с.
92. Соболев Г.Л. Тайна «немецкого золота». СПб.: Нева, 2002. 512 с.
93. Стариков Н.В. Кто убил Российскую империю? Главная тайна XX века. М.: Яуза-Эксмо, 2006. 512 с.
94. Стариков Н.В. 1917. Разгадка русской революции. М.: Эксмо, 2008. 416 с.
95. Супоницкая И.М. Равенство и свобода. Россия и США: сравнение систем. М.: РОС-СПЭН. 2010. 298 с.
96. Суханов Н.Н. Записки о революции: В 3 т. Т. 1, кн. 1-2. М.: Политиздат, 1990. 383 с.
97. Тойнби – о России, Западе и коммунизме [Электронный ресурс] / Горизонт событий [сайт]. URL: http://gorizontsobytij.ucoz.ru/publ/dzhozef_tojnbi_o_rossii_1961_g/2-1-0-11 (дата обращения: 10.07.2017).
98. Франс А. Пятая годовщина Русской Революции // Франс А. Собр. соч. в 8-ми т. Т. 8. М.: ГИХЛ, 1960. С. 756.
99. Ханин М. Вместе с рабочим классом // Северный рабочий (Ярославль). 1987. 29 мая.
100. Хантингтон С.Ф. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.
101. Хобсбаум Э. Эхо «Марсельезы». Взгляд на Великую Французскую революцию через 200 лет. М.: Интер-Версо, 1991. 272 с.
102. Шепелева В.Б. Революциология. Проблема предпосылок революционного процесса 1917 года в России: (по материалам отечественной и зарубежной историографии). Омск: ОмГУ, 2005. 391 с.
103. Шишлянникова Г.И. Политические взгляды и государственная деятельность Николая II: 1881 - февраль 1917 гг.: автореф. дис. ... канд. истор. наук. Тамбов, 2009. 25 с.
104. Шубин А.В. Основные проблемы отечественной истории XX в. // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2010. Выпуск 1. URL: <http://history.jes.su/s207987840000034-6-2> (дата обращения: 10.07.2017).
105. Шульц Э.Э. Николо Макиавелли и складывание основ теории социального протеста // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2014. Вып. 29. № 1. С. 198-201.
106. Юрьев А.И. Влияние эсеров и большевиков в армейских частях центра России накануне Октябрьской революции 1917 года // Вопросы отечественной истории. Межвузовский сборник научных статей преподавателей, аспирантов и соискателей. М.: МГГУ им. М.А. Шолохова, 2015. С. 90-96.
107. Юрьев А.И. К вопросу о влиянии эсеров и большевиков на крестьян, рабочих и сол-

дат центра России накануне Октябрьской революции 1917 года // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2014. № 1 (13) С. 34-41.

108. Bailey T. A Discourse on the Causes of Political Revolutions. London: Published by W. Strange and B. Steill, 1830. 32 p.

REFERENCES

1. Ageeva E.A. Moskovskaya periodicheskaya pechat' v 1917–1918 gody: problema vzaimod-eistviya s novoi vlast'yu [Moscow periodicals in the years of 1917–1918: problem of interaction with the new government]. *Gumanitarnye nauki*, 2013, no. 3 (11), pp. 70–82.
2. Artem'eva T.V. Ot slavnogo proshlogo k svetlomu budushchemu: filosofiya istorii i utopiya v Rossii epokhi Prosveshcheniya [From glorious past to bright future: philosophy of history and utopia in Russia in the times of Enlightenment]. SPb., Aleteiya, 2005. 496 p.
3. Asonov N.V. Politicheskie doktriny rossiiskogo samodержaviya i ikh modernizatsiya [The political doctrine of the Russian autocracy and its modernization]. Moscow, RAGS, 2009. 296 p.
4. Bagdasaryan V.E. «Teoriya zagovora» v otechestvennoi istoriografii vtoroi poloviny XIX–XX vv [“Conspiracy theory” in Russian historiography of the second half of the XIX–XX centuries]. Moscow, Signal, 1999. 515 p.
5. Berdyaev N.A. Istoki i smysl russkogo kommunizma [The origins and meaning of Russian communism]. Moscow, Nauka, 1990. 224 p.
6. Bessonova O.E. Razdatochnaya ekonomika Rossii: Evolyutsiya cherez transformatsii [Distributing economy of Russia: evolution through transformations]. Moscow, ROSSPEN, 2006. 143 p.
7. Buldakov V.P. Istoriograficheskie metamorfozy «Krasnogo Oktyabrya» [Historiographical metamorphosis of “The Red October”]. *Istoricheskie issledovaniya v Rossii: tendentsii poslednikh let* [Historical research in Russia: recent trends]. Moscow, AIRO-KHKH, 1996. pp. 179–205.
8. Buldakov V.P. Krasnaya smuta: priroda i posledstviya revolyutsionnogo nasiliya [The red revolt: the nature and consequences of revolutionary violence]. Moscow, ROSSPEN, 2010. 378 p.
9. Buldakov V.P. Utopiya, agressiya, vlast': psikhosotsial'naya dinamika postrevolyutsionnogo vremeni, Rossiya, 1920-1930 gg [Utopia, aggression, and power: the psycho-social dynamics of the post-revolutionary times, Russia, 1920-1930]. Moscow, ROSSPEN, 2012. 759 p.
10. Vas'kovskii O.A., Tertyshnyi A.T. Fenomen diktatury proletariata (1917 god v Rossii v otsenke istorikov) [The phenomenon of the dictatorship of the proletariat (1917 in Russia, in the estimation of historians)]. Ekaterinburg, Ural. gos. ekonom. un-t, 1995. 225 p.
11. Vakhitov R.R. Revolyutsiya, kotoraya spasla Rossiya [Revolution, which saved Russia]. Moscow, Algoritm, 2017. 224 p.
12. Velikaya Oktyabr'skaya sotsialisticheskaya revolyutsiya: entsiklopediya [The Great October Socialist Revolution: an encyclopedia]. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya, 1987. 639 p.
13. V MGIMO proshli «predvybornye debaty v Uchreditel'noe sobranie 1917 goda» [In MGIMO “pre-election debates in the Constituent Assembly of 1917” took place]. *Russkoe voenno-istoricheskoe obshchestvo* [sait]. [Russian military historical society [website]]. Available at: <http://rvio.histrf.ru/activities/news/item-3406> (accessed 10.07.2017).
14. Velitchenko N.S. Khlebnaya trgovlya Verkhnei Volgi v pervoi polovine XIX v.: dis. ... kand. ist. nauk [The grain trade of the Upper Volga in the first half of XIX century: thesis ... cand. hist. sciences]. Yaroslavl, 1980. 189 p.

15. Vilkov A.A., Zakharova T.I. Sakral'nye osnovaniya vlasti v politicheskoi zhizni Rossii [The sacred foundations of power in the political life of Russia]. Saratov, Izdatel'skii tsentr «Nauka», 2010. 200 p.
16. Vorontsova T. V gostyakh u «starshego brata» / Izdatel'skii dom «Pervoe sentyabrya» [sait]. [The "big brother" [Electronic source] / Publishing house "First of September" [website]. Available at: <http://lit.1september.ru/article.php?ID=200300909> (accessed 10.07.2017).
17. V stoletie Revolyutsii rossiyane golosuyut za bol'shevikov [On the 100th anniversary of the Revolution the Russians vote for the Bolsheviks] [Chinkova E., 16.05.2017] / Komsomol'skaya pravda [websait]. Available at: <http://www.kp.ru/daily/26679/3702214/> (accessed 10.07.2017).
18. Genife P. Politika revolyutsionnogo terrora, 1789-1794 [The policy of revolutionary terror, 1789-1794]. Moscow, URSS, 2003. 320 p.
19. Gizo F. Istoriya tsivilizatsii v Evrope [The history of civilization in Europe]. Moscow, Territoriya budushchego, 2007. 336 p.
20. Gordina E.D. Problemy otechestvennoi istorii na stranitsakh massovogo zhurnala «Ogon'ek» 1987-1991 gg.: dis. ... kand. ist. nauk. [Problems of national history in popular magazine "Ogonyok" 1987-1991: thesis ... cand. hist. sciences]. Novgorod, 2004. 228 p.
21. Golos (Yaroslavl'). 1917 [Voice (Yaroslavl). 1917]. Feb. 8.
22. Golos (Yaroslavl'). 1917 [Voice (Yaroslavl). 1917]. Mar. 3.
23. Golos (Yaroslavl'). 1917 [Voice (Yaroslavl). 1917]. Mar. 7.
24. Golos (Yaroslavl'). 1917 [Voice (Yaroslavl). 1917]. Mar. 8.
25. Gorinov M.M. Russkaya revolyutsiya i krizisnyi ritm rossiiskoi istorii [The Russian revolution and the crisis rhythm of Russian history]. Oktyabr' 1917 goda: vzglyad iz XXI veka (Sbornik materialov vs Rossiiskoi nauchnoi konferentsii) [October 1917: the view from the XXI century (proceedings of Russian scientific conference)]. Moscow, Institut gumanitarnogo obrazovaniya, 2007, pp. 90-98.
26. Gurevich M. Istoriko-statisticheskii sbornik po Yaroslavskomu krayu [Historical-statistical collection of Yaroslavl' region. Yaroslavl, 1922. 232 p.
27. Dvoenosova G.A., Avtografy L.M. Savelova v Natsional'nom arkhive Respubliki Tatarstan [L.M. Savelov's autographs in the National archives of the Republic of Tatarstan]. *Otechestvennyye arkhivy*, 1998, no. 5, pp. 76-77.
28. Doicher I. Nezavershennaya revolyutsiya. Rossiya 1917-1967 [Unfinished revolution. Russia 1917-1967]. Moscow, Inter-Verso, 1991. 272 p.
29. Dokuchaeva A.V., Mikhailov V.P., Fedorchenko L.V. Rossiiskaya kul'tura – svyazuyushchii faktor na postsovetском prostranstve [Russian culture is the binding factor in the post-Soviet space]. *Rossiia i sovremennyi mir*, 2014, no. 1 (82), pp. 128-140.
30. Ershov K.P. Evolyutsiya vzglyadov i deyatelnosti A.I. Balabanovoi v pervoi polovine XX veka: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk [The evolution of A. I. Balabanova's views and activities in the first half of the twentieth century: abstract of thesis ... cand. hist. sciences]. Moscow, RUDN, 2016. 27 p.
31. Zhdanova I.A. «Vek propagandy»: upravlenie informatsiei v usloviyakh voyny i revolyutsii v Rossii v marte-oktyabre 1917 goda ["Age of propaganda": information management in the conditions of war and revolution in Russia in March-October 1917]. *Otechestvennaya istoriya*, 2008, no. 3, pp. 130-135.
32. Zheltyi pisayushchii Lenin poyavilsya v tsentre pol'skogo Krakova [10.06.2014] / NTV [website]. [Yellow pissing Lenin appeared in the center of the Polish Kraków [10.06.2014] / NTV [website].]. Available at: <http://www.ntv.ru/novosti/1030477/> (accessed 10.07.2017).
33. Pamyatniki Leninu [website] Available at: <http://leninstatues.ru/leninopad> (accessed 10.07.2017).

34. Zamaeva E.V. L.M. Savelov i arkhelogicheskie issledovaniya v Voronezhskoi gubernii nachala XX v. [L.M. Savelov and archaeological studies in Voronezh province of the early XX century]. *Istoricheskie zapiski: nauchn. trudy istoricheskogo f-ta Voronezhskogo un-ta*, [Historical notes: scientific works of historical faculty of Voronezh University], 2005, no. 11, pp. 67–74.
35. Izmozik V.S. V.I. Lenin i bol'sheviki v 1917 godu [V.I. Lenin and the Bolsheviks in 1917] Problemy istorii i istoriografii. Sbornik докладов mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii. Tom 1 [Problems of history and historiography. The collection of reports of inter-university scientific conference. Vol. 1]. SPb., "LETI", 2013, pp. 82–92.
36. Isaev I.A. Ideya porjadka v konservativnoi retrospektive [The idea of the conservative order in retrospect]. Moscow, Prospekt, 2011. 400 p.
37. Kagarlitskii B.Yu. Marksizm: vvedenie v sotsial'nyu i politicheskuyu teoriyu [Marxism: introduction to social and political theory]. Moscow, URSS - Lenand, 2016. 320 p.
38. Kartsev V.P. Krzhizhanovskii [Krzyzanowski]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1980. 383 p.
39. Kirillova N.B. Medialogiya kak sintez nauk [Medialogy as a synthesis of Sciences]. Moscow, Akademicheskii proekt, 2013. 368 p.
40. Kosarev A.I. Rossiiskaya revolyutsiya – ob'ektivnaya zakonomernost' v mirovom istoricheskom protsesse: (k 100-letiyu Rossiiskoi revolyutsii): Istoriosofskoe esse [The Russian revolution is an objective regularity in the world historical process: (to the 100 anniversary of the Russian revolution): Historiosophical essay]. Moscow, Yurlitinform, 2017.
41. Kostrikov S., Kostrikova E. Lokomotivy istorii. Revolyutsionnyi 1917-i [The locomotives of history. Revolutionary year of 1917]. Moscow, Algoritm, 2017. 224 p.
42. Kochetkov G.N. Rossiya v 1917 godu: vybor puti istoricheskogo razvitiya (istoriografiya problemy) [Russia in 1917: the choice of the path of historical development (historiography of the problem)] *Evropeiskaya istoriografiya XX veka: materialy rossiisko-britanskoi konferentsii istorikov* [European historiography of the XX century: materials of the Russian-British conference of historians]. Yaroslavl-Exeter, [b.i.], 1992, pp. 23–38.
43. Krasin Yu.A. Velichie i tragizm sovet'skogo «eksperimenta» [The greatness and tragedy of the Soviet "experiment"]. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2017, no. 1, pp. 10–23.
44. Krasnyi Oktyabr': dvulikaya istoriya / V.P. Buldakov, A.X. Burganov, V. Bukharaev [The Red October: two-faced history / V. P. Buldakov, A. X. Burganov, Vladimir Bukharaev]. Kazan, [b.i.], 1992, 63 p.
45. Kul'turnoe nasledie rossiiskoi emigratsii, 1917–1940. Ch. 1 [Cultural heritage of the Russian emigration, 1917–1940. Part 1]. Moscow, Nasledie, 1994. 520 p.
46. Kunzharov E.M. Rossiiskaya gosudarstvennaya propaganda Pervoi mirovoi voiny v otechestvennoi istoriografii [Russian state propaganda of the First world war in Russian historiography]. *Problemy sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri*, 2013, no. 3 (13), pp. 90–93.
47. Lenin V.I. O zadachakh proletariata v dannoi revolyutsii (Aprel'skie tezisy) [On the tasks of the proletariat in the present revolution (April theses)] Lenin V.I. Poln. sobr. soch. T. 31 [Lenin V. I. Poln. Coll. Op. 31, Etc]. Moscow, Politizdat, 1969, pp. 113–118.
48. Loginov V.T. Neizvestnyi Lenin [The unknown Lenin]. Moscow, Algoritm, 2010. 576 p.
49. Lyukshin D.I. Vtoraya russkaya smuta: krest'yanskoe izmerenie [The second Russian revolt: the peasant dimension]. Moscow, AIRO-XXI, 2006. 142 p.
50. Malia M. Lokomotivy istorii: Revolyutsii i stanovlenie sovremennogo mira [The locomotives of history: Revolution and formation of the modern world]. M., ROSSPEN, 2015. 405 p.
51. Maslov D.V. Istoriografiya noveishei istorii Rossii: uchebnoe posobie [Historiography of modern history of Russia: textbook]. Moscow, MGOU, 2016. 164 p.
52. Matisov V.I. Sredi lyudei neimenitykh: vospominaniya sovremennika [Among ordinary people: memoirs of a contemporary]. SPb., Aleteiya, 2010. 112 p.

53. Medushevskii A.N. Teoriya konstitutsionnykh tsiklov [The theory of constitutional cycles]. Moscow, Izdatel'skii dom GU VSHE, 2005. 575 p.
54. Mints I.I. Istoriya Velikogo Oktyabrya. V 3-kh tomakh [T. 1] [The history of the Great October. 3 vols [vol. 1]]. Moscow, Nauka, 1977. 784 p.
55. Mints I.I. Istoriya Velikogo Oktyabrya: v 3-kh tomakh [T. 2] [History of the Great October Revolution: 3 volumes [vol. 2]]. Moscow, Nauka, 1978. 1008 p.
56. Mints I.I. Istoriya Velikogo Oktyabrya: v 3-kh tomakh [T. 3] [History of the Great October Revolution: 3 volumes [vol. 3]]. Moscow, Nauka, 1979. 903 p.
57. Miller V.I. Revolyutsiya v Rossii, 1917–1918 gg.: Problemy izucheniya [The Russian Revolution, 1917–1918: Problem of the study]. Moscow, ADD, 1995.
58. Naselenie Rossii v KHKH veke. Istoricheskie ocherki. V 3kh t. T. 1 [The population of Russia in the twentieth century. Historical essays. In 3 T. T. 1]. Moscow, ROSSPEN, 2000. 463 p.
59. Naumov O.N. L.M. Savelov i Istoriko-rodoslovnnoe obshchestvo v Moskve [L.M. Savelov and historical-genealogical society in Moscow]. *Istoricheskaya genealogiya*, 1994, no. 4, pp. 4–12.
60. Naumov O.N. Leonid Mikhailovich Savelov – arkhivist [Leonid Mikhailovich Savelov – archivist]. *Otechestvennye arkhivy*, 2005, no. 3, pp. 3–12.
61. Naumov O.N. Savelov Leonid Mikhailovich [Savelov, Leonid Mikhailovich]. *Obshchestvennaya mysl' russkogo Zarubezh'ya: entsiklopediya* [Social thought of the Russian Diaspora: encyclopedia]. Moscow, 2009, pp. 497–498.
62. Naumov O.N. Savelov Leonid Mikhailovich [Savelov, Leonid Mikhailovich]. *Rossiiskii konservativizm serediny XVIII – nachala XX veka* [Russian conservatism of the middle of XVIII – early XX century]: encyclopedia. Moscow, ROSSPEN, 2010, pp. 444–445.
63. Naumov O.N. Leonid Mikhailovich Savelov i izuchenie Otechestvennoi voiny 1812 goda [Leonid Mikhailovich Savelov and the study of the Patriotic war of 1812]. *Istoriya Moskovskogo kraya. Problemy, issledovaniya, novye materialy*, no. 4. Moscow, Al'yans-Arheo, 2013, pp. 144–152.
64. Neru Dzh. Otkrytie Indii [J. Nehru. The discovery of India]. Moscow, Inoizdat, 1955. 908 p.
65. Oizerman T.I. Opravdanie revizionizma [The justification of revisionism]. Moscow, Kanon+, 2005. 688 p.
66. Ot zakata do rassveta. Noch' kak kul'turologicheskii fenomen [From sunset till dawn. Night as a cultural phenomenon]. SPb., Izd-vo Dmitrii Bulanin, 2005. 300 p.
67. Paips R. Rossiya pri starom rezhime [Russia under the old regime]. Moscow, Nezavisimaya gazeta, 1993. 424 p.
68. Paips R. Russkaya revolyutsiya. T. 1: Agoniya starogo rezhima [The Russian revolution. Vol. 1: the agony of the old regime]. Moscow, Zakharov, 2005. 480 p.
69. Pamyatniki Leninu, snesennye na Ukraine s dekabrya 2013 goda (spisok, fotografii) / Pamyatniki Leninu [sait]. [Monuments to Lenin demolished in Ukraine since December 2013 (list, photos) / the Monuments to Lenin [website]]. Available at: <http://leninstatues.ru/leninopad> (accessed 10.07.2017).
70. Paradoks Vallerstaina [Bohemicus, 12.08.2012] / Livejournal [elektronnyi resurs]. [The paradox of Wallerstein [Bohemicus, 12.08.2012] / Livejournal [Electronic source]]. Available at: <http://bohemicus.livejournal.com/72244.html> (accessed 10.07.2017).
71. Prishvin M.M. Dnevniki [Diaries]. Moscow, Pravda, 1990. 480 p.
72. Revolyutsiya i Grazhdanskaya voyna v Rossii. 1917–1922 gg. [Revolution and Civil war in Russia. 1917–1922]. Moscow, ID “Dostoinstvo”, 2016. 384 p.
73. Rozhdestvenskoe interv'yu svyateishego patriarkha Kirilla telekanalu «Rossiya» [Elektronnyi resurs]. *Russkaya Pravoslavnaya Tserkov'*: ofitsial'nyi sait Moskovskogo patriarkhata. [Christmas interview of his Holiness Patriarch Kirill to the TV channel "Russia" [Electronic

- source] / Russian Orthodox Church: official website of the Moscow Patriarchate]. Available at: <http://www.patriarchia.ru/db/text/3914070.html> (accessed 10.07.2017).
74. Savelov L.M. V glubi narodnoi [In depth of people]. *Yaltinskii vecher*, 1919, 25 sent., no. 58.
 75. Savelov L.M. Sotsial-revolutsionery i ikh taktika [The social-revolutionaries and their tactics]. *Yaltinskii vecher*, 1919, 22 noyabrya, no. 101.
 76. Savelov L.M. Za sotsialisticheskim zabralom [Behind the socialist visor]. *Vera i vernost'*, Novyi Sad, 1924, no. 43–44.
 77. Savelov L.M. Mysli vslukh: neskol'ko slov o demokratii i lyubvi [Thinking out loud: a few words about democracy and love]. *Vera i vernost'*, Novyi Sad, 1924, no. 68.
 78. Savelov L.M.. Naemnik – ne pastyr' [Mercenary is not a pastor]. *Vera i vernost'*, Novyi Sad, 1924, no. 47.
 79. Savelov L.M. Otdel'naya lichnost' [An individual]. *Vera i vernost'*, Novyi Sad, 1924, no. 53.
 80. Savelov L.M. Tsar' i Tserkov' [The Tsar and the Church]. *Vera i vernost'*, Novyi Sad, 1924, no. 50.
 81. Savelov L.M. Istoricheskie nabroski. Partiya narodnoi svobody [Historical sketches. Party of people's freedom]. *Vera i vernost'*, Novyi Sad, 1924, Novyi Sad, 1925, no. 74–75.
 82. Savelov L.M. Vospominaniya / podgot. teksta, predisl., komment., im. ukaz. O.N. Naumova [Memories / text preparation, pref., comment, notes by O.N. Naumova]. Moscow, Staraya Basmannaya, 2015, 488 p.
 83. Savelov L.M. Latyshy i Rossiya [The Latvians and Russia]. *Yaltinskii vecher*, 1919, 15 dek., no. 121.
 84. Savelov L.M. Tatary v Rossii [The Tatars in Russia]. *Yaltinskii vecher*, 1919, 7 marta, no. 193.
 85. Savelov-Savelkov L.M. Russkie svyatiteli i ikh znachenie v istorii [Russian saints and their importance for the history]. *Novik*, 1938, no. 2.
 86. Savelov L.M. Prinuditel'nye raboty ili neskol'ko slov o khame [Forced labor, or a few words about Ham]. *Yaltinskii vecher*, 1920 [Yalta night, 1920]. Mar. 26.
 87. Savelov-Savelkov L.M. Genealogiya [Genealogy]. *Novik*, 1939, no. 4.
 88. Savelov-Savelkov L.M. Iz istorii vneshnikh snoshenii Kievskoi Rusi (X–XIII vv.) [From the history of foreign relations of Kievan Rus (X–XIII centuries)]. *Novik*, 1940, no. 1.
 89. Sapon V.P. Filosofiya probudivshegosya cheloveka: libertarizm v rossiiskoi levoradikal'noi ideologii, (1840-e – 1917 gg.) [The philosophy of the awakened people: libertarianism in the Russian radical leftist ideology (1840s – 1917)]. Nizhny Novgorod, Izdatel'stvo Nizhegorodskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005. 334 p.
 90. Safronov V.A., Nikolaeva N.A. Istoki slavyanskoi i evraziiskoi mifologii [The origins of Slavic and Eurasian mythology]. Moscow, Belyi volk, Oblizdat, 1999. 312 p.
 91. Smolin S.N. Politicheskii protsess v sovremennoi Rossii [The political process in modern Russia]. Moscow, Prospekt, 2004. 326 p.
 92. Sobolev G.L. Taina «nemetskogo zolota» [The mystery of the "German gold"]. SPb., Neva, 2002. 512 p.
 93. Starikov N.V. Kto ubil Rossiiskuyu imperiyu? Glavnaya taina XX veka [Who killed the Russian Empire? The main mystery of the twentieth century]. Moscow, Yauza-Eksmo, 2006. 512 p.
 94. Starikov N.V. 1917. Razgadka russkoi revolyutsii [1917. The solution of the Russian revolution]. Moscow, Eksmo, 2008. 416 p.
 95. Suponitskaya I.M. Ravenstvo i svoboda. Rossiya i SSHA: sravnenie sistem [Equality and freedom. Russia and the United States: comparison of systems]. M., ROSSPEN, 2010. 298 p.
 96. Sukhanov N.N. Zapiski o revolyutsii: V 3 t. T. 1, kn. 1–2 [Notes on the revolution: In 3 vol. Vol. 1, vol. 1–2]. Moscow, Politizdat, 1990. 383 p.

97. Tojnbi – o Rossii, Zapade i kommunizme [Elektronnyi resurs] / Gorizont sobytii [sait]. [Toynbee about Russia, the West and communism [Electronic source] / Horizon of events [website]]. Available at: http://gorizontsobytij.ucoz.ru/publ/dzhozef_tojnbi_o_rossii_1961_g/2-1-0-11 (accessed 10.07.2017).
98. Frans A. Pyataya godovshchina Russkoi Revolyutsii [The fifth anniversary of the Russian Revolution] Frans A. *Sobr. soch. v 8-mi t. T. 8* [Frans A. Coll. Op. 8 vol. Vol. 8]. Moscow, GIKHL, 1960, pp. 756
99. Khanin M. Vmeste s rabochim klassom. *Severnyi rabochii (Yaroslavl')*, 1987, May 29 [Together with the working class. *Northern worker (Yaroslavl)*, 1987, may 29].
100. Khantington S.F. Politicheskii poryadok v menyayushchikhsya obshchestvakh [Political order in changing societies]. Moscow, Progress-Traditsiya, 2004. 480 p.
101. Khobsbaum E. Ekho «Marsel'ezy». Vzglyad na Velikuyu Frantsuzskuyu revolyutsiyu cherez 200 let [The echo of "Marseillaise". View at the French revolution 200 years later]. Moscow, Inter-Verso, 1991. 272 p.
102. Shepeleva V.B. Revolyutsiologiya. Problema predposylok revolyutsionnogo protsesssa 1917 goda v Rossii: (po materialam otechestvennoi i zarubezhnoi istoriografii) [Revoluciologia. The problem of the prerequisites of the revolutionary process of 1917 in Russia (on the materials of Russian and foreign historiography)]. Omsk, OmGU, 2005. 391 p.
103. Shishlyannikova G.I. Politicheskie vzglyady i gosudarstvennaya deyatel'nost' Nikolaya II: 1881 – fevral' 1917 gg.: avtoref. dis. ... kand. istor. nauk [Political views and public activities of Nicolas II: 1881 – February 1917: abstract of thesis. dis. cand. histor. sciences]. Tambov, 2009. 25 p.
104. Shubin A.V. Osnovnye problemy otechestvennoi istorii XX v. [The main problems of Russian history of the twentieth century.] Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya». 2010. Vypusk 1. [Electronic scientific and educational journal "History". 2010. Issue 1.]. Available at: <http://history.jes.su/s207987840000034-6-2> (accessed 10.07.2017).
105. Shul'ts E.E. Nikolo Makiavelli i skladyvanie osnov teorii sotsial'nogo protesta [Niccolò Machiavelli and the formation of the basic theory of social protest]. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. Seriya: Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika, 2014, Vyp. 29, no. 1, pp. 198–201.
106. Yur'ev A.I. Vliyanie eserov i bol'shevikov v armeiskikh chastyakh tsentra Rossii nakanune Oktyabr'skoi revolyutsii 1917 goda [The influence of the social revolutionaries and the Bolsheviks in the army units of the Central Russia before the October revolution of 1917] *Voprosy otechestvennoi istorii. Mezhvuzovskii sbornik nauchnykh statei prepodavatelei, aspirantov i soiskatelei* [Questions of national history. Inter-university collection of scientific articles of teachers, graduate students and applicants]. Moscow, MGGU im. M.A. Sholokhova, 2015, pp. 90–96
107. Yur'ev A.I. K voprosu o vliyanii eserov i bol'shevikov na krest'yan, rabochikh i soldat tsentra Rossii nakanune Oktyabr'skoi revolyutsii 1917 goda [To the question of the influence of the SRS and the Bolsheviks on peasants, workers and soldiers in Central Russia on the eve of the October revolution of 1917]. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta*. Seriya: Istoricheskie nauki, 2014, no. 1 (13), pp. 34–41.
108. Bailey T. A Discourse on the Causes of Political Revolutions. London, Published by W. Strange and B. Steill, 1830. 32 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Багдасарян Вардан Эрнестович – доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, заведующий кафедрой истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: vardanb@mail.ru

Волобуев Олег Владимирович – доктор исторических наук, профессор, действительный член Международной академии наук высшей школы, профессор кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета;
e-mail: volobuevov@yandex.ru

Иерусалимский Юрий Юрьевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной средневековой и новой истории исторического факультета Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова;
e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Маслов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

Наумов Олег Николаевич – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета;
e-mail: kaf-nnir@mgou.ru

Телицын Вадим Леонидович – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН;
e-mail: telitsyn@mail.ru

Федорченко Сергей Николаевич – кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии и права, заместитель декана факультета истории, политологии и права по научной работе Московского государственного областного университета;
e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Федюк Владимир Павлович – доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета, заведующий кафедрой новейшей отечественной истории Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова;
e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vardan E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Politology and Law, Head of the Department of the History of Russia of the Middle Ages and Modernity, Moscow Region State University;
e-mail: vardanb@mail.ru

Oleg V. Volobuev – Doctor of Historical Sciences, Professor, Full Member of the International Academy of Higher School, Professor of the Department of the History of Russia of the Middle Ages and Modernity, Moscow Region State University;
e-mail: volobuevov@yandex.ru

Yury Yu. Ierusalimskiy – Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of the Native History of Russia of the Middle Ages and the Modern Times, Historical faculty, Yaroslavl State University named P.G. Demidov;
e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

Dmitry V. Maslov – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of the Newest History of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: dmitrij.mas2011@yandex.ru

Oleg N. Naumov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of the Newest History of Russia, Moscow Region State University;
e-mail: kaf-nnir@mgou.ru

Vadim L. Telitsyn – Doctor of Historical Sciences, Professor, leading researcher of the Institute of General History of RAS;
e-mail: telitsyn@mail.ru

Sergey N. Fedorchenko – PhD in Political Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Politology and Law, Science Subdean of the Faculty of History, Politology and Law, Moscow Region State University;
e-mail: s.n.fedorchenko@mail.ru

Vladimir P. Fedyuk – Doctor of Historical Sciences, Professor, Dean of the Faculty of History, Yaroslavl State University named P.G. Demidov
e-mail: osniyar@uniyar.ac.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Багдасарян В.Э., Волобуев О.В., Иерусалимский Ю.Ю., Федюк В.П., Наумов О.Н., Маслов Д.В., Федорченко С.Н., Телицын В.Л. Российская революция: взгляд через столетие (круглый стол) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2017. № 5. С. 15–68.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-15-68

FOR CITATION

V. Bagdasaryan, O. Volobuev, Y. Ierusalimskiy, V. Fedyuk, O. Naumov, D. Maslov, S. Fedorchenko, V. Telitsyn. The Russian Revolution: View Through the Century (Round Table). In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: History and Politic Sciences, 2017, no 5, pp. 15–68.
DOI: 10.18384/2310-676X-2017-5-15-68